

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ



Сергей ЗВЕРЕВ

ИМ РАВНЫХ
НЕТ



Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Им равных нет

«Научная книга»

2007

Зверев С. И.

Им равных нет / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2007 — (Спецназ ВДВ)

На роскошную свадьбу своего племянника приехал лично Президент Ичкерии. Но поздравить молодых он не успел. Свадьба закончилась трагедией – от направленного взрыва Президент погиб. Так в республике начался государственный переворот. Федеральный центр принял решение срочно устранить зачинщика мятежа Меджиева, иначе переворот завершится новой войной. И пятеро десантников под командой майора Бугаева отправляются в Ичкерию...

© Зверев С. И., 2007

© Научная книга, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Зверев

Им равных нет

Глава 1

Много ли времени нужно, чтобы расколоть худой мир? Доли секунды.

Миропорядок в этой точке планеты Земля издавна был непрочен. Он всегда был готов расколоться и рухнуть в Преисподнюю. Ведь в этих негостеприимных местах слишком много людей, привыкших жить в аду...

В тот день никто не знал, что сложившееся хрупкое равновесие полетит к черту в пасть в никому не известном в большом мире селе Ачхой-юрт. Наоборот, в тот проклятый теплый безветренный июньский день здесь царило радостное настроение.

Царила Свадьба!

Свадьба на Кавказе – это не просто обязательный ритуал, дань традициям. Это событие!!! На свадьбу копят деньги много лет. На свадьбу нужно крупно раскошелиться. На свадьбе нужно на людей посмотреть и, главное, показать себя во всей красе!..

Сегодня женился Ваха – старший сын Шамиля Тайсумова. Раньше это было бы событие рядового значения. Ведь их родоплеменное образование, именуемое тейпом, прочно держалось в середняках. Но время течет, подмывая привычный уклад. И очень часто в смутные времена те, кто были никем, неожиданно для всех становятся всем. Сегодня Тайсумовы стали силой. Сегодня они стали ВЛАСТЬЮ!

С утра окрестности оглашали выстрелы – из пистолетов, автоматов, охотничьих ружей. Тяжелое вооружение для салюта не использовалось, хотя Магомед, средний брат в семье, на полном серьезе предлагал подогнать бронетранспортер от близлежащего отдела внутренних дел и устроить настоящий праздничный салют, чтобы все от зависти сдохли!

Дом Тайсумовых был отстроен заново год назад из добротного красного кирпича и теперь высоким монументальным забором с бойницами напоминал неприступную крепость. Это семейное гнездо основательностью и размерами превосходило даже дворец прокурора района. С утра к дому вереницей тянулись машины гостей. Самые разные. Тормозили у свежеразкрашенных металлических ворот навороченные, с накладными бамперами и выпученными глазами противотуманных фар, джипы. Возник тяжело, как танк, мощный, песочного цвета, «Хаммер». Протарахтели старые «Жигули», представляющие больше антикварную ценность. Замерла убитая в хлам «Газель». Ревя мотором, неторопливо подкатил синий автобус «ПАЗ» с простреленными окнами. Счет гостей исчислялся уже сотнями.

Над местом торжества витали волшебные запахи хорошо прожаренной со специями баранины. Столы стояли везде – в глухом, залитом бетоном дворе, в многочисленных комнатах, устланных и занавешенных коврами так, что не видно ни паркета, ни обоев.

Свадьба проходила по отработанному за столетия сценарию. Сегодня – первый день торжеств, когда невеста и жених находятся в отдельных комнатах и им запрещено даже краем глаза взглянуть друг на друга.

За столами сидели мужчины. Старые и молодые. Бородатые моджахеды в папахах и национальных одеждах и молодые люди в ладно европейски сидящих парадных костюмах. На почетных местах, конечно, возвышались аксакалы. В последние годы их слово перестало считаться законом, как встарь, но внешне им выказывалось всяческое уважение.

Все было чинно и благородно. Мужчины вели неспешные многословные беседы. Женщины сновали как тени между столами, разнося блюда с мясом, салатами, балансируя с подно-

сами, уставленными пузатыми чайниками и стаканчиками. Но все пока проходило достаточно вяло. Здесь ждали самого главного гостя.

– Где он? – нервозно спросил Джабраил, болезненного вида юноша в бархатной мусульманской шапочке. Его тонкие музыкальные пальцы нервно теребили четки из зеленых самоцветов. Он только что вернулся из Саудовской Аравии, где проходил учебу у признанных авторитетов веры.

– Что ты так волнуешься? – улыбнулся его отец Шамиль Тайсумов, глава и хозяин дома. – Увидишь Адама. Он тоже хотел тебя видеть. Он доволен тобой.

– Правда? – щеки Джабраила пунцово зарделись, как у девушки на выданье.

– Правда, – улыбнулся в бороду Шамиль Тайсумов. – Конечно, правда...

Он был уверен, что, несмотря на огромное количество важных государственных дел, его племянник приедет. Потому что род и племя важнее любых государственных дел. Он обязательно приедет – надежда и опора их тейпа. Залог их безбедного и безоблачного существования. Сам Адам Тайсумов, Президент Республики Ичкерия...

При мыслях об Адаме сам Шамиль невольно приосанился. Он гордился своим родственником и никогда не стеснялся этого чувства.

На заднем дворе захлопали выстрелы. Это начальник РОВД, обнявшись со своим родственником, активным участником незаконных вооруженных формирований, который по такому судьбоносному случаю дела вылез из леса, палили из своих «стечкиных» в воздух. Оба были прилично поддатые, хотя на столах выпивка отсутствовала. Пили осторожно, в крайней темной комнате, таясь. Ведь торжество почтит своим присутствием сам Президент, а он строг. И любит, когда все по шариатским канонам, которые гласят: правоверному не должно пить вино.

Отрываться по-настоящему гости начнут после того, как уважаемый Адам Тайсумов уедет и аксакалы отправятся спать. Аллах ведь вино, а не водку запретил. Да и Аллах не видит через крышу, кто там в доме его завет нарушает...

Снова загрохотали выстрелы – это к теплой милицейско-бандитской компании присоединился заместитель директора Сбербанка Ичкерии. Хлопушка у него была скромнее – всего лишь пистолет Макарова, – но тоже громко била по ушам.

– Ай, за молодых! – орал он...

Вечером стрельба станет более активной. Начнутся вайнахские пляски.

– Ну, где же Адам? – вопрошал Джабраил, все более нервно теребя четки. У него был кофейно-коричневый загар специфического оттенка – такой можно приобрести только в пустыне. И глаза после обучения в Саудовской Аравии стали какие-то туманные, не от мира сего – будто понял он и узрел там нечто невидимое и непонятное простым людям.

– Да не бойся, – Шамиль ласково похлопал сына по щеке и отправился встречать очередного гостя...

– Где он? – завороченно прошептал Джабраил, глядя куда-то перед собой, и зацепил без особого желания пучок зелени со стола...

– А поведай-ка нам, Джабраил, как имам Абдулвалид трактует суру Аль-Хиджр об отношении к старым пророкам и пророкам ложным? – подсел к нему аксакал. – Это особенно важно сейчас.

И лучший выпускник аравийского медресе, прикрыв глаза, как заведенный начал излагать трактовки Корана, удостоившись благосклонных кивков аксакалов.

Тут с улицы послышались переливчатые сигналы. Донесся ликующий крик кого-то из мальчишек, наводнивших дом и метавшихся на побегушках. Все замерло на миг, а потом пришло в движение.

Во двор важно зашел увешанный оружием, как рождественская елка игрушками, Рашид – руководитель личной охраны Президента, а заодно и общий близкий родственник. Он пере-

шептался с хозяином дома Шамилем. Последний что-то недовольно попытался возразить, но потом лишь резко кивнул:

– Ладно, ты меня уговори, Рашид! Но как я заставлю сделать это гостей?!

– Не беспокойся, – отмахнулся руководитель охраны. – Гости все поймут. Если у них есть хоть что-то в голове!

Шамиль поморщился. Рашид в последнее время распустился и порой бывал просто невыносим. Те привычки, которые он приобрел, воюя с русскими в горах, он оставил при себе, перейдя на сторону русских.

Охраняли Президента Ичкерии с размахом и жестко. Поэтому на время празднество пришлось прервать. Охранники осмотрели помещения с металлоискателями и детекторами взрывчатых веществ. По идее нужно еще было запустить специальную собаку, натасканную на взрывчатку, но собака в мусульманском доме в праздник – это несмыслимое оскорбление. Гости роптали, но в целом с пониманием отнеслись к тому, что их досмотрели (каждого и со всей тщательностью), временно изъяли оружие, которого оказалось немало, – стволы сложили в отдельной комнате. Хозяин мрачно смотрел на эту процедуру, но не возражал. Где-то даже это доставляло удовольствие ему – насколько важен его родственник.

Когда все было закончено, Рашид отзвонился по телефону, и через четверть часа к дому подкатил кортеж из двух бронированных синих «Хаммеров» и черного «Мерседеса» представительского класса.

Из салона «мерса» неторопливо вылез и через ворота чинно прошествовал в сопровождении свиты САМ.

Президент, еще молодой человек (два месяца назад с помпой было отпраздновано его тридцатипятилетие), кивал в ответ на почтительные приветствия, сдержанно улыбаясь. За ним семеня шаг хозяин дома.

Адам Тайсумов поклонился старикам, обнялся с каждым из них, при этом для всех у него нашлось слово. Он всячески подчеркивал, что уважает стариков и чтит адат – кодекс жизни предков.

– Берегите свой дом, – кивал он. – Своих родных.

– Да пребудет с тобой Аллах в твоих праведных делах, – отвечали ему.

Президент прошествовал в отдельную комнату, где ждала своего часа пятнадцатилетняя невеста.

Разета – грациозная, хрупкая, в белом свадебном платье, неприступная. Это был ее день перед тем, как стать рабыней нового дома. Хотя и сейчас работа у нее нелегкая – стоять целый день в позе королевы и принимать подарки. Ими уже завалена вся комната. Коробки, свертки. На отдельной тумбочке стоит поднос с конвертами. В конвертах – деньги. Обычно гости приносят от тысячи до двух тысяч рублей. Близкие – от ста долларов и выше. Но сегодня молодых баловали с учетом того, как крепок теперь тейп, какой вес, в том числе финансовый, он набрал.

– Разета. Хороша. Глаза как у горной лани, – с удовольствием произнес Президент, заходя в комнату и разглядывая изящную невесту. – Дай выпить воды.

Девушка, улыбаясь, протянула ему хрустальный бокал с холодной водой.

Таков обычай. Просишь у невесты воду и за глоток чистой воды платишь подарком.

Подарок был богатый – как и по чину положено. С легкой улыбкой, не отрывая глаз от невесты, Президент протянул ей ключи от машины:

– На, Разета.

Невеста зарделась еще сильнее, взгляд ее был прикован к ключам, точнее к брелку от сигнализации, на котором была эмблема фирмы «Nissan».

У ворот стоял новенький полноприводной вседорожник «Nissan Patrol», двигатель – дизель с турбонаддувом, цвет – серебристый металлик. Красавец! Скорее всего, он был угнан где-то в России, потом местные кудесники выправили номера на агрегатах, подготовили новые

документы. В Ичкерии традиционно никто не заморачивался приобретением «чистого», без криминальных хвостов, автотранспорта. Самые уважаемые люди не брезговали рассекать на краденых машинах. Хотя в этом случае «Nissan» мог быть и вполне легальный, официально растаможенный. Адам Тайсумов был щедр и мог многое себе позволить – ведь не оскудела еще рука дающей России, средства на восстановление республики поступали регулярно, и отчета за них никто не требовал. Это своего рода плата за лояльность региональной политической элиты и вместе с тем заброшенный Москвой крючок, чтобы при необходимости обвинить любого ставшего вдруг неудобным собственного ставленника во всех смертных грехах, в том числе в разворовывании целевого бюджета.

– Счастья тебе в доме. Слушай мужа, как самого Пророка. Больше сыновей тебе – воинов, чтобы было кому сражаться за наш род, – напутствовал невесту Президент.

Раззета внимала, потупив взор. Ее сильно смущало присутствие такого важного человека. Она вообще боялась мужчин, как и положено дочери гор.

Когда он вышел из комнаты невесты, хозяин дома проводил его и усадил во главу стола. Джабраил смотрел на Президента ясными, влюбленными, восторженными глазами.

Адам Тайсумов произнес несколько подходящих моменту фраз:

– За молодых. За величие нашего народа. За смерть его врагов. И за наш род... Бокалы не поднимаю – не годно это правоверному. Но слово мое крепче любого напитка.

Он поймал восторженный взгляд Джабраила, улыбнулся в бороду, уловив гамму чувств – восхищение, любовь, и благосклонно кивнул ему:

– Подойди ко мне, племянник.

Джабраил засеменил, продолжая глядеть обожающими глазами на своего кумира.

По дороге его перехватили двое охранников, обшарив быстро и сноровисто с ног до головы. Это было против обычаев, но зато вполне обоснованно. Бойся всех, даже родных.

Президент взял его за плечи, посмотрел внимательно в глаза, улыбнулся широко и благодушно.

– Рад, брат мой. Рад. Ты был в дальних краях и стал мудр не по годам, как говорят твои родные...

– Это только знания, – произнес неживым голосом Джабраил. – Истинную мудрость дают страдания и их преодоление...

Президент нахмурился. Что-то не понравилось ему в этих словах, но что – понять он не мог.

Джабраил неожиданно сделал порывистое движение и обнял его.

Адам резко отстранился, в его глазах вспыхнули удивление и вместе с тем испуг. Он хотел что-то сказать.

И не сказал.

За всех сказала стограммовая пластиковая взрывчатка нового поколения, которую не унюхает собака и не определит детектор. Она была впаяна в пояс Джабраила.

Выпускник медресе в Саудовской Аравии Джабраил Тайсумов умер счастливым. Он совершил то, на что его толкал сам Пророк...

В этот краткий миг история Кавказа, будто кто-то перекинул стрелку, заложила вираж и устремилась по другим рельсам...

Глава 2

Бар «Молоток» был замызган, неуютен и никак не относился к числу престижных заведений. Единственное его достоинство для двух посетителей, перешагнувших порог, было в том, что располагался недалеко от гостиницы, где они жили. И цены вполне демократичные. А пиво, оно и есть пиво. «Балтика» третий номер что в пятизвездочном отеле «Националь», что в баре на окраине Верхнелуганска одинаковое...

Убранство заведения было декорировано под русскую избу: бревна, лавки, лапти и хомуты на стене – и все в том же незатейливом стиле. Задумка, может, была и неплохая, но со временем она стала больше напоминать не избу крепкого зажиточного хозяина, а халупу, где селилась безлошадная пьяная босота – все покарябано, ободрано, на лавках ножами вырезаны женские имена и емкие матерные слова. Здоровенный, без особой тщательности выбритый бармен, облаченный в грязновато-серую русскую рубаху с блекло-красными узорами, двигался с грациозностью ленивого гиппопотама.

Народу было немало, но свободные столы имелись.

– Стремно здесь как-то, – Бизон опасливо оглядывал зал, тут и там натываясь на недружелюбные, слегка дебильные взгляды завсегдатаев. Так смотрели аборигены на великого путешественника Кука, решая, слопать его со специями или и так сойдет.

– Да ладно тебе, друг дней моих суровых, – отмахнулся Цыган. – Не нагнетай.

– Публика тут...

– Обычная шушера. Их как грязи везде.... И вообще, ближе к народу надо быть, – с этими словами Цыган двинул к деревянной шершавой стойке с черными пятнами от затушенных сигарет.

– Четыре «Балтики» по ноль-пять, – начал перечислять он воодушевленно. – Тарелку креветок. Сухарики – ржаные, соленые...

Бармен, хмуро глядя на него, широко зевнул, обнажив кривые зубы, повернул кран, и в кружку хлынула янтарная жидкость.

– Нападающий «Реала» умело обходит наших защитников. Удар... Штанга! – оглашал бар голос спортивного комментатора, вырываясь из чрева висящего под деревянным потолком на чугунной подвеске старенького телевизора «Шиваки» с мутноватым изображением.

«Спартак» ожесточенно рубился с «Реалом». Шел второй тайм. Русская команда продувала со счетом три ноль, поэтому публика в баре была удручена несправедливостью такого расклада.

Бизон, вздохнув, двинул следом за своим другом. Он не любил таких приключений, а его хоть и мощный, но чувствительный загривок явственно ощущал, что приключений здесь можно огрести по полной программе.

Выбрав столик подальше от малолетних девиц с хриплыми голосами и нецензурным лексиконом и длинноруких нестриженных гоблинов, орущих дикими голосами, когда мяч ударял в штангу ворот, Бизон поставил четыре кружки на стол. Сзади Цыган тащил две тарелки с орешками и сухариками. Креветки бармен обещал подать чуть попозже.

Три кружки Цыган пододвинул Бизону, а одну поставил перед собой. Такая дележка была справедливой, если учитывать разницу в комплекции друзей. Бизон, он и есть Бизон: рост метр девяносто, бесформенная, казавшаяся заплывшей жиром массивная фигура – такой пиво должен поглощать как трактор «Беларусь» солярку. Цыган был объемом раза в два поменьше. Да и в остальном они – полная противоположность. У Бизона, при его могучей комплекции, были красные полные щеки с детским румянцем, наивные васильковые глаза и немножко застенчивая улыбка. Цыган же – смуглый, импульсивный, с наглыми цепкими глазами, оценивающими и видящими все.

– Ну, за новые горизонты, – поднял кружку Цыган.

– Это за какие? – не понял Бизон.

– Новый город. Новые люди. Нужно уметь удивляться новому, мой юный друг...

– А, ну да... Я удивляюсь, – Бизон покосился на местную публику, наткнулся взглядом на мутные и злые глаза затаившегося в углу в компании единомышленников дефективного низкорослого парня с клочковатыми усами, который ощерился щербатым ртом. Бизон, на дух не выносивший подобных типов, про себя поименовал его «гаденышем» и поспешно отвернулся. Засталбливая свою морально-психологическую победу, парень ослабил еще шире и хотел что-то крикнуть, но тут мяч влетел в ворота, и бар огласил дикий рев.

– Три один. «Спартак» сокращает отрыв! – закричал комментатор.

И на экране, окуриваемом дымом сигарет, как древний алтарь благовониями, пошел повтор долгожданного гола.

Двое гостей заштатного города Верхнелуганска были совершенно равнодушны к футболу, зато неравнодушны к пиву. Цыган потягивал его, смакуя, крошечными глотками. Его друг в три молодецких глотка опорожнил кружку.

– Креветки, – жестяным голосом произнес бармен.

Цыган отправился к стойке. Бармен неторопливо, с усилием пододвинул тарелку с креветками, будто она весила пуд, и повернулся к экрану телевизора. Дегенеративный «гаденыш», строивший чужакам гримасы, к тому времени уже переместился за стойку и, скривившись, уставился жадным взором на тарелку с креветками.

– Самому нравится, – хмыкнул Цыган и направился к столу.

«Гаденыш» смачно сплюнул на пол ему вслед...

– Это чума, Цыган! Свалим отсюда по-хорошему! – взмолился Бизон. – А то нарвемся на скандал. Мы чужаки. Они тут чужаков, как Ленин буржуазию, ненавидят.

– Да брось ты. Что я, со шпаной не общался? Сам таким был. Ох, молодость, – Цыган заразительно засмеялся...

Дальше все шло вроде путем. Чужаки пили пиво и трепались о погоде и знакомых девушках. Второй тайм «Спартак» продувал. Настроение из-за этого у большей части завсегдатаев все сильнее хмурилось и было как небо в осенний дождливый день.

Неугомонный «гаденыш», уже прилично набравшийся, пошатываясь, прошел мимо стола гостей города и демонстративно толкнул Бизона локтем. Тот отодвинулся в сторону. «Гаденыш» зло зыркнул, надеясь на скандал. Но скандал все не начинался. И хулиган укрепился во мнении, что эти двое – просто залетные лохи.

Как назло, зазвонил телефон. Цыган полез в карман и вытащил мобильник «Нокиа». Хороший телефон, за четыре сотни баксов – с Интернетом, проигрывателем, радио, видеокамерой. Зря он это сделал – глаза нескольких туземцев уперлись в дорогую игрушку.

Не обращая внимания на жадные взгляды, Цыган произнес:

– Да, прибыли... Завтра... Да... Ладно...

И дал отбой.

– Ник? – спросил Бизон.

– Он, отец родный.

– Беспокоится?

– Как всегда. Порядок должен быть, – передразнил Цыган таинственного собеседника – очень похоже, потому что Бизон удовлетворенно хохотнул:

– Понятно. Смотри, на твою мобилу местные пялятся, как дикари на бусы.

– Да не суетись ты. Ты со мной. В обиду не дам...

Потом случилось неизбежное – «Спартак» схватил еще один гол и с треском продул. В баре поднялся гвалт, мат, посыпались изощренные проклятия на головы футболистов, как русских, так и «черных обезьян, которых набрали в команду», тренеров, которые «бабла сожрали

больше, чем весь Верхнелуганск» и которых надлежит немедленно расчленишь или на худой конец удавить...

– Лапотники!

– Футболисты, мать их! Им только жопой на базаре торговать!

– А бутсой бы да по ребрам, сукам!!!

В общем, народ был обижен в своих лучших чувствах и возмущен. Народ жаждал справедливости – то есть намылить кому-то морду. А тут, как назло, ни футболистов, ни тренера «Спартак» под рукой.

В этот момент у гостей города как раз опустели кружки.

– Еще по одной? – спросил Бизон, глядя на сухое дно.

– Не вижу повода не выпить, – кивнул Цыган.

Бизон отправился к стойке и потребовал у сонного бармена:

– Уважаемый, еще две по ноль-пять...

Рядом со стойкой все крутился «гаденьш», неустанно буравя злобным взором пришельца. Но Бизон привык не обращать внимания на внешние раздражители и никак не реагировал.

Без звука бармен протянул первую кружку...

Тут телевизор закончил выплевывать необходимую порцию рекламы, и начались новости. На экране возникла скорбная физиономия диктора канала «Вести».

– Срочное сообщение ИТАР – ТАСС. В Ичкерии произошел крупный террористический акт.

– Слышь, Кружка, бля! – кинул «гаденьш» бармену, тот скосил глаза, видимо откликаясь на свою кличку. – Врубил резко музон! И позабойнее, нах...! МтиВИ!

– Погоди-ка, – поднял руку Бизон, впившись глазами в экран.

– Че? – набычился «гаденьш». – Кто-то крякнул?

– Да не мешай! – отмахнулся Бизон, не отрываясь от телевизора.

– В результате теракта погиб Президент Ичкерской Республики Герой России Адам Тайсумов. По имеющимся сведениям...

– Ты че, бля, раскомандовался? Ты у себя дома?! – «гаденьш» приблизился к Бизону.

Но тот не обращал на него внимания, поглощенный новостями.

– В настоящее время поступают противоречивые сведения о месте и способе теракта, – долдонил диктор. – Однако...

– Э, жирдай, ты че, уже ноль внимания фунт презрения, да! – «гаденьш» подскочил к Бизону и тощим кулачком саданул его в спину. – Удар по почкам заменяет пару пива! Ха...

Бизон кинул на него досадливый взгляд.

– Че вылупился, ебеньть?! – выпятил губу «гаденьш». Поскольку зубов у него оставалось маловато, то и без того бессвязная речь была еще и шепелявой. – Понаехали тут, бля! Мобилы тут за тыщу баксов, бля, нах...!

Мобила не давала ему покоя. Виден был профессиональный интерес уличного грабителя, живущего за счет краж и гоп-стопов на одиноких прохожих.

От столика отделились еще двое – широкоплечий битюг и длиннорукий высокий атлет. «Гаденьш», видать, был в компании заводилой и провокатором, а эти двое являлись убойной силой. Зашуршали за другим столиком – еще двое граждан алкогольно-опущенного вида, лет по двадцати от роду, заерзали на скамейках, явно намереваясь принять участие в намечающемся культурном мероприятии. Один из них сжал кружку, другой пробежал пальцами по карманам куртки, где, скорее всего, было какое-то незатейливое орудие типа кастета.

Цыган угрюмо взвесил в руке опустевшую кружку, понимая, что больше ему здесь сегодня не нальют. И, оценив ситуацию, пришел к выводу, что Бизон все же оказался прав – нечего было переться в этот гадюшник.

– Э, братва! Нам проблем не надо! – начал агитацию Цыган, приподнимаясь. – Мы же нормальные пацаны. С понятиями.

Но уже было ясно как божий день, что публике очень хочется драки и мобилу, поэтому все увещевания – в пользу бедных.

Бармен съежился, затравленно озираясь. Видимо, разборки он повидал немало.

– Только не здесь, – сипло воскликнул он.

– Закройся! Ты кого на х... послал? – с этими словами задира «гаденыш», ощутив сзади присутствие силищи, схватил Бизона за локоть. – Ну ты че, мужик или баба, бля? Пойдем, выйдем! И козла своего вонючего прихватывай!!! – кивнул на Цыгана.

– О, тут все по-взрослому, – выдал Цыган свою коронную фразу на все случаи жизни.

– Да ладно тебе. Смотри свое МтиВИ, – примирительно поднял ладонь Бизон.

– Не надо, Гога! – хрипло заголосила пропитым голосом лолитка из их компании.

– Пасть закрыла! – прикрикнул «гаденыш».

Он схватил со стойки кружку пива и выплеснул содержимое в лицо Бизону...

Содержимое бокала попало в морду бармену. Потому что здоровяк неожиданно легко сделал нырок в сторону.

Это заведение знало много драк. Длинных и нудных, с кровавыми соплями и пьяными братаниями. Жестоких избиений с использованием подавляющего численного превосходства. Безумных потасовок с ножами, кастетами и мебелью, пивными кружками, розочками. Сопли, крикание, визги и пiski. Иногда приезжала «Скорая помощь» и не все пострадавшие приходили в себя – случались и летальные исходы. На заведении надо было поместить предупредительный знак «Осторожно, шпана», но таковые законом не предусмотрены... В общем, дрались здесь давно и со вкусом. Но такой короткой и неинтересной драки аборигены еще не видели...

Бизон поставил небрежный блок и легко отбил летящий ему в голову увесистый кулак атлета. Атакующий провалился вперед и получил короткий резкий удар в челюсть, после чего гордой, но глупой птицей улетел в полутьму кабака, попутно переворачивая мебель. Послышался испуганный женский визг – бесчувственное тело упало на двух девок, которые пришли клеиться к парням, рассчитывая на дармовую выпивку. Широкоплечий получил в лоб – и его тоже как брандспойтом смыло. Сдувшийся «гаденыш» не успел улизнуть и, получив унижительную, но не менее убийственную оплеуху ладонью, угомонился под столом... Нечленораздельно мыча, подвергнутые экзекуции елозили по полу, пуская кровавые слюны, но подняться на ноги никто из них не мог. Остальные посетители настолько обалдели, что никто и не думал поддержать разгромленных вчистую земляков.

Цыган, со стороны наблюдавший за баталией, громко захлопал в ладоши, награждая Бизона заслуженными аплодисментами, после чего повернулся к публике:

– Кто хочет на новенького? Всем все понятно?.. Пока, зверьки! Надеюсь больше не увидеть ваши гнусные рожи. – Он театрально поклонился и вышел вслед за Бизоном.

Бармен, ошалевший и покрывшийся красными пятнами, зачем-то схватил пульт дистанционного управления и переключил телевизор на Музыкальный канал.

– Бао, Чао, Мао!!! – завопил телевизор диким хитовым голосом, и грохнула безумная музыка...

Друзья шли торопливым шагом по улице в сторону гостиницы «Рубин», мимо унылых серых пятиэтажек и освещенных ларьков.

– Не, ну оно тебе надо? – ворчал Бизон. – Так и знал, что в этом гадюшнике нарвемся на бой быков!

– Ну и что? Размялись немного. Тебе полезно, чтобы жирок согнать...

– Да иди ты... А милиция бы подкатила?

– Ага, свисток, сирена, атас, облава, – пропел Цыган. – Какая милиция сможет спеленать нас?!

– Весь вечер испортили, твари!

– Кто испортил? Эти отморозки?! – Цыган улыбнулся безрадостно. – Да ладно... Ты лучше теленовости вспомни. Тут тебе поплохееет реально.

– Ну да, – Бизон с чувством наподдал ботинком пустую банку из-под пива, которая с жестяным грохотом покатила по асфальту и угодила под колеса несущейся мимо машины. – Тайсумова завалили. Это полный аут. Ичкерия взорвется!

– Война будет. Заброска будет. Попомни мои слова, товарищ старший лейтенант. Глубокая заброска... Работа для диверсанта...

– В пекло, – кивнул угрюмо Бизон.

– В него, родимое!..

Глава 3

Кабинет на Старой площади был обставлен в деловом, но вместе с тем полном достоинства краснодеревянном, тяжелопортьерном, кожаном стиле времен ЦК КПСС. Из примет современности здесь были лишь компьютер с жидкокристаллическим монитором, плазменная панель полутора метров по диагонали да пластмассовый блок системы «Заслон С-1000» на обитой дубовыми панелями стене, предназначенный для блокирования всех возможных систем прослушивания.

Так уж повелось – именно в таких кабинетах издавна вершились судьбы огромной страны. В них сходились ниточки власти, из которых плелась ткань будущего.

За столом, похожим своими размерами и зеленым сукном на бильярдный, восседал огромный мужчина с седой густой шевелюрой. Черты лица у него были грубые, топором рубленные, кисти рук как лопаты. И вообще, он сильно походил на бригадира комбайнеров, вот только глаза – цепкие, пронизательные, пронзительные. Бригадиру такие без надобности.

В просторном кабинете витал запах дорогого и вкусного кофе, которым раз в полчаса человек пытался вернуть себе ясность мысли. Хорошо еще в пятьдесят шесть лет давление не беспокоило. Давало знать богатырское здоровье предков – мореходов из Мурманска.

Человека звали Вячеслав Николаевич Бусыгин. Он нес на своих плечах нелегкую ношу Председателя Совета безопасности Российской Федерации. Генерал-лейтенант службы внешней разведки, он в отличие от своих жуликоватых предшественников действительно пытался сделать так, чтобы Совбез работал на то, для чего и был создан – на безопасность страны. Под его крылом собрались аналитики высшего класса – многих из них в свое время убрали из системы спецслужб за ненадобностью. Нередко случалось такое на Руси, что самых преданных Родине и честных профессионалов гнали прочь, чтобы не смущали барское спокойствие своими прогнозами. И вернулись они снова на службу только из-за того, что их позвал легендарный Бусыгин – один из лучших аналитиков и агентурщиков еще Главного разведывательного управления КГБ СССР. Аналитический аппарат Совбеза был гордостью и надеждой Бусыгина. Вот только сейчас не радовали его кудесники информационных потоков.

Перед Бусыгиным лежала стопка бумаг. В некоторые он вчитывался внимательно, другие пробежал глазами влет, вычлняя только общие моменты. Ну, как ни крути, оценка сложившейся ситуации у аналитиков, да и у всех остальных, однозначная – Кавказ вновь взорван!

Самое характерное, что подобное развитие событий аналитики Совбеза предсказывали еще два года назад. Тогда в верхах их прогнозы были расценены как паникерство и противодействие набирающему обороты процессу мирного урегулирования на Кавказе. И вот результат!

– Вашу мать, – выругался Председатель Совбеза, отодвигая от себя кипу бумаг.

Когда ему позвонили из Агентства Федеральной безопасности России и сообщили, что убит Адам Тайсумов, он еще надеялся, что имеет место просто невероятно удачный для боевиков теракт. Но в глубине души был уверен – это всего лишь первое звено в цепочке гораздо более серьезных событий. Притом цепочка сплетена умелыми руками...

Сбылись наиболее мрачные прогнозы! И дальше события стали разворачиваться по сценарию, написанному чьей-то безжалостной и решительной рукой...

Итак, что имеется на сегодня... На свадьбе своего родственника при достаточно странных обстоятельствах происходит взрыв, в результате чего Президенту Республики Ичкерия причинены телесные повреждения, не совместимые с жизнью. Откуда там взялась взрывчатка, если учесть профессиональную цепкость и бесцеремонность охраны Президента, кто ее протаскил – одному черту известно. Из открытых источников ничего непонятно. А агентура молчит... Да и где теперь связь с ней, с агентурой этой?!

Дальше все идет как по писаному. Представитель Президента по Южному федеральному округу с группой контрразведчиков и командой спецназа для охраны собирается лететь на разбор и обеспечивать сохранение хваленной и с таким размахом пропиханной стабильности на Северном Кавказе. Ему официально объявляют, что аэропорт находится под контролем правительства Ичкерии и несанкционированные посадки запрещены. Короче – катитесь к такой-то матери. Что тут скажешь? «ТУ-154» послушно разворачивается и летит обратно в Ростов.

Тут же в Грозном командир Президентской гвардии вытаскивает на свет божий и выставляет на всеобщее обозрение двух конопатых доходяг явно русской национальности, объявляет их виновными в теракте против самого мудрого, самого лучшего Президента в мире, в глубине души мечтавшего о свободе Ичкерии и потому ставшего неугодным Москве. Бедолаги быстро признаются, что были завербованы российской контрразведкой и выполняли задание Москвы. Потом объявляется, что их будут судить справедливым судом. И эти странные персонажи удаляются во тьму.

Следующий акт. Осиротевшая гвардия Президента Ичкерии начинает брать под контроль государственные объекты и системы жизнеобеспечения. Две трети сотрудников органов внутренних дел тут же солидаризируются с гвардейцами, братаются и клянутся не щадя живота служить Великой Ичкерии.

Почта, телеграф, телефон, мосты, вышки сотовый связи, телевидение – за несколько часов уже были под контролем. Ну а также правительственные здания, основные магистрали, железная дорога.

И вот тут появляется главный действующий персонаж – вице-президент Республики Ичкерия Ибрагим Ахмедханов, весь такой возвышенный и озабоченный судьбами вайнахского народа. По закону он исполняет обязанности погибшего Президента.

Председателя Совбеза эта фигура не удивила. Бусыгин никогда не доверял этой лицемерной твари. Была заслуживающая доверия информация о его плотных связях с бандподпольем и западными спецслужбами. Но он устраивал Адама Тайсумова. А Тайсумову Кремль дал карт-бланш на все, в том числе на назначение своих помощников, заместителей, министров.

– Все там взорвалось! – кричит с экрана Ибрагим Ахмедханов. – Я сам там был. На моих руках, одежде была кровь! Это не моя кровь! Это кровь наших сограждан! Это кровь самого лучшего Президента. Будь прокляты убийцы. И мы знаем их имена... Они ответят за все!!!

И под конец пламенной речи сообщает, что готов взять на себя гигантский груз ответственности за судьбы своей многострадальной Родины.

Шоу приобретает драматичность. Звучат клятвы мужчин из разных тейпов отомстить, покарать. Бойцы Президентской Гвардии перед портретом разнесенного в клочья любимого Президента тоже дают страшные клятвы. Клянутся все – часто и многословно.

Вакханалия демонстрируется по республиканскому телевидению – это первый объект, взятый под контроль Президентской Гвардией.

– Кто виноват? – вопрошает местный корреспондент простых горцев, тыча им в лицо похожим на порцию эскимо микрофоном.

– Россия, – не мудрствуя лукаво, объявляют горцы, насупившись. – Им не нужны свободные люди! Им нужны рабы!..

На столе Бусыгина зазвонил внутренний телефон с гербом Советского Союза на корпусе. Хозяин кабинета держал его как раритет имперских времен и нисколько не стеснялся косых взглядов: мол, обитатель этих пенатов – скрытый коммунист.

– Вячеслав Николаевич, к вам Рудольф Константинович, – послышался мелодичный голос секретарши. Во избежание ненужных сплетен в секретаршах он держал старую деву, выполняющую свою секретарскую работу с точностью часового механизма.

– Да, конечно, я его жду, – кивнул Бусыгин.

Он поднялся во весь свой немалый рост. В кабинет зашел человек, являющийся полной противоположностью, – худой, высохший, невысокий, в синем, слегка помятом костюме, без галстука.

– Здравствуй, Николаич, – гость протянул руку.

– И тебе здравия, Рудольф Константинович, – Бусыгин пожал протянутую ему ладонь и пригласил гостя присесть в мягкое кресло у журнального столика.

Рука у директора Агентства Федеральной безопасности Рудольфа Константиновича Кутасова была сухая, жесткая и жилистая.

– Читаешь? – кивнул директор АФБ на листки.

– Пытаюсь...

– Считаю, что это уже устарело. События развиваются.

– Что у нас еще плохого?

– Заблокированы войсковые части. Захвачены склады МВД Ичкерии. Впрочем, сопротивления из милиционеров никто не оказывал. Сейчас идет вооружение людей... В общем, сволота куражится... Пограничники попытались вылезти со своей базы. Подходы заминированы. Нарвались на плотный заградительный и снайперский огонь.

– Остальные федеральные подразделения? – спросил Председатель Совбеза.

– Армейцы и милиционеры с мобильного отряда сидят в расположении, щерятся стволами. Их пока не трогают. Мосты, дороги перекрыты гвардейцами и вооруженным населением. Как пауки горцы полезли со всех щелей, жвалами лязгают. У каждого во дворе пулемет или на худой конец «калашников» припасен.

– А ты не читал воспоминания о кавказских войнах девятнадцатого века? Сценарий начала войн один и тот же. Мирные пахари и скотоводы. И не подумаешь, что кинжал за пазухой. Благолепие. Пасторальный пейзаж. И вдруг команда у них проходит – бей неверных. Тут же выкапываются зарытые карамульки, шашки и пистолы – и пошло-поехало. Они не меняются. Время не имеет над ними такой власти, как над нами.

– Они не меняются, – покачал головой директор Агентства. – Зато мы меняемся. Становимся мягкотелыми.

– А вот нашу слабость они чувствуют отлично. Как волки, когда гонят дичь. Выбирают ослабевшего, больного лося и перегрызают горло.

– Ладно, это лирика, – директор Агентства поудобнее устроился в кожаном кресле. – А у нас суровые будни. Знаешь, что они предпримут дальше?

– Предполагаю, – кивнул Председатель Совбеза.

– Ну-ка, – начальник АФБ посмотрел на часы. – Послушаем новости. Сейчас объявят...

Он взял пульт с журнального столика, кликнул одиннадцатый канал. Новости «Би-би-си» по-английски. Присутствующие этим языком владели как своим родным русским.

На полутораметровом экране плазменного телевизора возникло изображение города Грозного образца пятилетней давности – разбитого в хлам, с обугленными скелетами жилых домов. Потом появилось лицо Председателя Законодательного совета Республики Ичкерии Вахи Асланова. Вид у главы законодательной власти субъекта Российской Федерации был не столько торжественный, сколько испуганный, как у подростка, которого амбалы прижали в темном переулке и выворачивают карманы. Он неуверенно что-то бормотал по-вайнахски, вокруг него сновали люди в папахах. А сзади маячил кто-то с автоматом Калашникова на плече – бородатый и хмурый.

Торопливый деловой голос диктора «Би-би-си» – таким принято зачитывать биржевые сводки – сообщил:

– Сегодня Парламентом Ичкерии принято решение о выходе из состава Российской Федерации в соответствии с Конвенциями ООН, декларирующими право народов на самоопределение.

Все, слово сказано...

– Вот он. Мятеж, – с мрачным удовлетворением произнес Кутасов.

– Ты мой отчет читал годовалой давности? – зло спросил Бусыгин. – Где вся эта ситуация расписана в деталях!

– Читал, – кивнул директор АФБ. – И с чистым сердцем засунул его подальше.

– И мне в лицо сейчас, после всего произошедшего, это говоришь. Не стыдно?

– Нет. Тогда было не время для такой аналитики. Никто бы не воспринял твои советы как руководство к действию.

– Вот и доигрались, – Бусыгин махнул рукой в сторону телевизора, на экране которого ликовала толпа горцев, коренных жителей Ичкерии – гордые ичкеры, они же вайнахи, они же нохчи, как сами себя называют. – У них праздник... «Живет за Тереком маленький бандитский народец», как писал Иосиф Виссарионыч. А железный вождь знал толк в кавказских делах.

– И решал их кардинально.

– Но времена уже не те.

– Хреновые времена, – задумчиво произнес директор АФБ, не стеснявшийся в выражениях. – И это только начало.

Глава 4

– Товарищ майор, из командировки прибыли, – доложил Цыган, козырнув лихо, с гусарским задором.

– Хорош, – усмехнулся Ник, он же майор ВДВ Николай Николаевич Бугаев, непосредственный начальник Цыгана. – Тебе бы еще аксельбанты...

Цыган одернул китель – ладно сидящий на нем, отлично выутюженный, с орденскими колодками, солидными не по капитанскому чину. Среди наград был орден Мужества.

– Ну, присаживайтесь, солдатушки, бравы ребята, – Ник указал на раскачанные стулья, расставленные вдоль стен просторной комнаты, служившей берлогой для разведывательно-диверсионной группы отдельного батальона специального назначения ВДВ. – Что, так и не распотрошили верхнелуганскую сокровищницу?

– Да уже на мази все было, – с досадой воскликнул Цыган, погладив ладонью приклепленную к стене мишень, продырявленную не так давно им лично на соревнованиях снайперов спецподразделений в Ростове. – Ваши рекомендательные письма и бутылки помогли.

– Рекомендательная бутылка – это звучит, – хмыкнул Бизон, устраиваясь поудобнее на стуле, который скрипнул жалобно – не слишком прочная опора для столь могучего тела.

– Звучит гордо и уважительно, – кивнул Цыган. – Короче, только начали мы стеклянными гранатами этих тыловых крыс забрасывать, капитуляция уже близка была, они уже и наряды выписали... И вот нас сдернули в самый ответственный момент...

В его голосе звучал упрек.

В Верхнелуганск Цыган с Бизоном ездили в командировку на окружные оружейные склады, куда в числе прочих полезных смертоносных игрушек поступила новая техника и вооружение для спецподразделений. Ник был болезненно заиклен на оснащении группы – она должна была иметь все самое лучшее, то, чего нет даже в элитных подразделениях спецназа ГРУ. Командир расшибался в лепешку, всеми правдами и неправдами выбивал новинки отечественной и зарубежной промышленности.

Он приходил в алчное возбуждение, увидев новую игрушку, и не успокаивался, пока не овладевал предметом своего вожеления. Будь то дальномерно-угломерный комплекс «Румб-3» с навороченной электронной начинкой и лазером, в которую вводится карта местности. Или ноктовизоры последнего поколения, по размеру немного больше обычных темных очков, но позволяющие видеть ночью и тем самым получить решающее преимущество перед противником. Или компактную переносную станцию космической связи. С этой целью майор опутал паутиной интриг тыловые органы. Где не удавалось договориться по-доброму, через бутылки и подарки, он подключал свои многочисленные связи. Вполне мог пойти на поклон к командующему округом, которого спас в Первую Ичкерскую войну – вывел его, тогда еще бравого мотострелкового комдива, из-под бешеного огня снайперов, окопавшихся в городских развалинах. Слишком многие были обязаны Нику – кто жизнью, а кто карьерой. Но пользовался он связями в одном случае – если этого требовало выполнение боевой задачи...

– Не беда, – махнул рукой командир. – Привыкать к новому оружию и экипировке все равно нет времени.

– Нам водки не надо, работу давай, – кивнул с пониманием Цыган.

– Да, добры молодцы. Боевая работа, – Ник хлопнул широкой мозолистой ладонью по столу, так что бронзовый письменный прибор подпрыгнул. – Сами знаете, черти из погреба полезли.

– Наслышаны, – хмыкнул Бизон.

– А десант для чего создан? – нравоучительно поднял палец Ник.

– Чтоб чертям на хвост соль сыпать, – с преданностью во взоре, скрывающей врожденное нахальство, произнес Цыган.

– Позитивно мыслишь, Цыган... Казарменное положение. В город без моего разрешения не выходить. Ждать вылета.

– Есть ждать вылета, – кивнул Цыган.

– Ну, давайте. У меня тут еще работы вагон, – махнул рукой Ник.

И взялся за ноутбук, который стоял перед ним, повернув его так, чтобы подчиненные не видели экран. Но они и так знали, что на экране стратегическая игра «Фараон», где необходимо построить город, развить экономику, религии и искусства, отразив вражеские набеги. Ник не признавал стрелялки и военные игрушки, но запал на созидательную стратегию.

Молодые офицеры, переглянувшись и понимающе усмехнувшись, отправились наслаждаться казарменным положением.

Казарменное положение означало дневать и ночевать на территории части, что, впрочем, было не внове, поскольку вся группа проживала в военном городке. Только Ник имел полноценную законную квартиру с пропиской за оградой – в городе Ближнереченске, на окраине которого располагалась воздушно-десантная дивизия. Остальные были приписаны к офицерской пятиэтажной панельной общежитии. В прошлом году ее по случаю визита Президента страны и министра обороны отремонтировали – мол, о людях заботимся, все для человека, все во имя человека. В некоторые комнаты с евроремонтом даже присобачили кондиционеры, хоть и примитивные, азербайджанского производства, но вполне бойко гоняющие холод.

По молодости в общежитии жить вполне сносно. Там в основном обитала молодежь, недавние выпускники военных учебных заведений. Обычно по вечерам слышались звон стаканов и бутылок, женские пiski и визги, музыка. Но сейчас царил напряженный. Дивизия пребывала в готовности к срочной переброске. Здесь никому не надо было объяснять, чем грозит обострение обстановки в Ичкерии.

Казарменное положение помимо прочих радостей означало сухой закон. Обитатели пятиэтажки шатались из комнаты в комнату, трезвые и не слишком веселые. Все разговоры так или иначе сводились к положению в Ичкерии. Почти во всех комнатах бубнили дикторы радио или телевидения, передававшие новости. Люди, которые собрались в этой общежитии, пытались понять – воевать им в скором времени или нет. Опять перед ними маячил страшный вопрос – остаться в живых или быть перемолотыми в очередной кавказской мясорубке. Из новостей, газет и Интернета ничего нельзя было узнать толком. Лились какие-то мутные и невнятные сообщения о продолжающихся акциях ичкерских бандитов против правоохранительных органов. Раздавались бодрые заверения политиков о скором и окончательном наведении порядка, от которых мороз полз по коже, потому что было видно невооруженным глазом – обстановка в Ичкерии дрянная, государство и его силовые структуры находятся в растерянности, если не в шоке.

На третьем этаже общежития, в тесно заставленной мебелью и вещами комнате, которую делили Цыган с Бизоном, собралась вся группа. Правда, за исключением командира – тот, как всегда перед перспективой выхода на боевые, в немногие свободные минуты не отходил от болезненно обожаемых им жены и двух дочек, но был готов появиться в течение десяти минут. Майор ловил на лету мгновения семейного счастья, как и все зная – завтра жизнь его опять зависнет на волоске. И кто обрежет волосок – снайпер или осколок мины, или опять перенесет судьба лихая над пропастью, это одному Господу известно.

– Мне кажется, дырка от бублика будет, а не полноценная боевая работа, – лениво протянул Акула, он же капитан Станислав Олейник, сухощавый и жилистый, с внешностью коварного латиноамериканского обольстителя, тридцати годков от роду, лучший сапер, которого можно отыскать на юге России. Чего угодно может заминировать и разминировать: хоть атомный заряд, хоть ржавую морскую мину времен Бисмарка.

– Что за пессимизм? – всплеснул руками Цыган. – Не узнаю своего кровного брата Акулу.

– Попомни мои слова, – Акула отхлебнул из большой глиняной кружки растворимого кофе «Нескафе». – Сейчас буза начнется. Международная общественность. Слезинка ребенка... И наши правители-управители побоятся вздохнуть резко, не то чтобы бомбоштурмовыми ударами Ичкерии слегка подрихтовать. Не дадут нам полноценно отработать... Или вообще ничего не будет. Или станем тянуть кота за хвост, как в первую войну.

– Не тужи, бомбометатель, – махнул рукой Цыган и смочил горло чаем из изящной фарфоровой чашки. – Будет у нас работа, печенкой чую. Все будет по-взрослому. Задавим гидру терроризма в ее логове, на Западе и свистнуть не успеют.

– Надо давить бабуинов, ядрена-матрена, – сонно произнес Фауст, он же прапорщик Степан Филатов, радист группы, кудесник в технике. При разговоре о кавказских проблемах иными рецептами их решения, кроме как «давить сук», «вешать на фонарях» и «четвертовать, как в былые времена», он обычно не радовал. Его отец, терский казак, завещал сыну басурман бить днем и ночью. С гордым вайнахским народом у его семьи были свои счеты: Фауст отлично помнил, как его родственников в Ичкерии выкидывали из домов, расстреливали на улицах некогда исконных казачьих, а теперь ичкерских станиц. – Или мы их, или они нас. И не хрен тут мудрствовать, воздух словесами портить.

– Ты в Госдуму загляни, там начистоту выскажись, – Цыган еще с видимым удовольствием отхлебнул душистый чай, на приготовления которых был мастак домовитый и обстоятельный Фауст.

– Не пустят, сучье племя, – посетовал Фауст, принявшись за горячую картошечку, шипящую на сковороде. – Нет туда ходу простому прапорщику, мать их за ногу.

– Представляю твою речугу в Думе, – хмыкнул Цыган.

– А чего, – меланхолично пожал плечами Фауст. – Я бы им все сказал, что думаю, коленвал им в жопу.

– Да уж кто б сомневался. Только к тебе переводчика пришлось бы приставлять.

– А этим хорькам всенародно избранным чего, теперь по-русски уже в лом говорить? – заинтересовался Фауст. – Теперь они только по-английски кумекают?

– Переводчика с русского матерного, – Цыган подкупающе открыто улыбнулся. – У тебя, как в раж войдешь, из трех слов четыре матерных.

– Это факт, йошкин дрын, – согласился Фауст. – Грешен...

– Тоска, – потянулся Цыган. – Пить нельзя. Народная мудрость не зря гласит: для содействия нутру надо выпить поутру... Сухой закон даже Америку сломал.

– И с дамами облом, – вздохнул сапер. У Акулы сорвалось два свидания аж с тремя девками. Красавчик и ловелас, он исповедовал типичную для человека, от одного движения пальцев которого зависит – жить ему или взорваться к чертям, философию: хватай минуту, пока она не ухватила тебя за задницу. Загулы его стали притчей во языцех. Женщины в очередь выстраивались в его однокомнатную квартиру, которую он снимал для подобных встреч в городе. Обычно спокойный, даже сонный, при общении с женским полом он преображался и начинал так чесать языком, что даже Цыгану становилось завидно. Больше женщин Акула любил только свою рыжую длинношерстую таксу Клеопатру.

– Спой-ка, Юрец, разгони тоску. Нашу давай, – Цыган протянул Бизону гитару, спрятанную за железной солдатской койкой.

Бизон взял гитару. Провел неожиданно ловкими, хотя и похожими на сардельки, пальцами по струнам. Подтянул колок, остался доволен результатом. И запел:

Десант не знает, куда проложен
В полетных картах его маршрут.
Десант внезапен, как кара Божья.

Непредсказуем, как страшный суд.

У Бизона был роскошный хрипатый баритон, и пел он так проникновенно, что мурашки ползли по коже. Песню эту вытаскил Ник, который еще застал последний год Афганской войны. Забытая песня уже почти забытой войны, память о которой потускнела на фоне новых войн. И все равно в этих незамысловатых словах была волнующая и сегодня бесшабашная энергия людей, которые привыкли, не щадя ни себя, ни других, живя только боем, взламывать непреодолимые укрепления моджахедов, десантироваться с вертушек под ураганным обстрелом в чужих каменистых горах и огнем сметать идущие из Пакистана караваны... Эта старая песня стала гимном разведывательно-диверсионной группы.

И за три моря, и за три горя.
И с ветром споря или с огнем.
Уходим вскоре, со смертью споря.
Десант, не надо жалеть о нем...

Прав оказался Цыган. Для разведывательно-диверсионной группы ожидание продлилось сутки. Последовал приказ – получить штатное оружие и снаряжение, готовиться к переброске на Моздок.

Группа поступала в распоряжение разведывательного отдела командования группировки на Северном Кавказе.

Глава 5

Снайпер поймал в окуляр прицела едва заметное движение в зарослях и плавно выжал спусковой крючок. Снайперская винтовка Драгунова дернулась в его руках... И следом за этим возникла непоколебимая уверенность – цель поражена. Ни на чем не основанная – лишь немного всколыхнулась зеленка. Но снайпер знал – он попал.

Теперь пора менять позицию. Береженого Бог бережет... Снайпер покинул оборудованное логово на крыше двухэтажного кирпичного здания и ящерицей скользнул вниз по ржавой лестнице.

С другой стороны лагеря загрохотал пулемет. И одновременно заработал в палатке, где располагались омовцы, магнитофон, выдав во всю мощь динамиков песню еще Первой Ичкерской под мотив знаменитой военной песни «Махнем не глядя»:

Нохча не спит, нохча
весь день прицел готовит
И нынче ночью нам объявит газават.
Отряд спокойно занавесочки закроет,
Достанет позже, если надо, автомат.

Поверх музыки наложился аккомпанемент автоматной очереди. Но песня продолжала звучать.

У нас для них есть «Мухи»,
«Шмели» и гранаты.
И, если нужно, им наделаем беды.
А ну давай, братва, сюда свои стаканы.
Помянем павших третьим тостом, мужики!..

Который день продолжалась эта позиционная война, изматывающая нервы и туманящая сознание...

Полковник милиции – командир мобильного отряда, он же в недавнем прошлом начальник отдела Центра по борьбе с терроризмом МВД России, похожий на колобка, некогда жизнерадостного, а теперь порядком измочаленного и поникшего, пригнулся, когда где-то в стороне грохнуло.

Расположение представляло собой территорию, огороженную бетонным забором с архитектурными излишествами в виде спиралей колючей проволоки Бруно. Вышки с пулеметчиками, автопарк с бронетехникой и автомашинами – зеленого военного и серого милицейского окраса, палатки и вагончики, кирпичное здание штаба. Это и есть мобильный отряд МВД России в Ичкерии. Сто тридцать сотрудников милиции, половина из них омовцы и бойцы спецотдела быстрого реагирования (СОБРа), остальные – оперативники, штаб, обслуживающий персонал. Одна из последних реальных боевых единиц в Ичкерии. По большому счету это усиленное полицейское подразделение, заточенное под полицейские акции, но не слишком пригодное для полноценной войны.

Перед мятежом федеральные власти, усыпленные клятвенными заверениями руководства Ичкерии о стабилизации оперативной обстановки и безоговорочной победе над гидрой терроризма, практически завершили вывод из республики войсковых частей и милицейских подразделений. И на самом деле местным правоохранительным органам удалось навести видимый порядок – теракты, убийства и захваты заложников почти сошли на нет, уровень преступ-

ности упал ниже общероссийского. Но те, кто принимал решение о демилитаризации региона, вообще не представляли специфики Кавказа. Они не могли помыслить или не хотели знать, что это затишье перед бурей. В действительности антироссийское подполье накапливало силы, оружие, проникало в органы государственной власти, концентрировало ресурсы. Шла активная боевая подготовка, прорабатывались планы мятежа...

Командир мобильного отряда, поднявшись на вышку с бронированным стеклом, обвел биноклем окрестности. Справа – частный сектор. Там на крышах пара огневых точек. Слева – новостройки. Вчера из окна девятиэтажки работал снайпер, но его ссадили омовцы из снайперской винтовки Драгунова.

– Хрен они сюда пролезут, – сказал взобравшийся следом на вышку, похожий на барбоса майор – заместитель командира мобильного отряда по криминальной милиции.

– Пока они к нам всерьез и не лезли, – возразил командир. – Они нас просто блокировали. Лишили маневра и какой-либо возможности действовать.

Отряд блокировали в первые же часы мятежа. По бронетранспортеру, который выехал с территории, долбанули из противотанкового гранатомета. Машина чудом осталась цела и с повреждениями вернулась на базу, огрызаясь из четырнадцати с половиной миллиметрового пулемета КПВТ и спаренного ПКТ.

– Замечаешь, моджахедов прибавилось, – отметил командир.

– Больше стало, – согласился начальник криминальной милиции. – Но все равно свои гнилые зубы эти выродки о нас обломают. Сколько бы их ни набежало.

– Оптимист... Они сейчас зачищают республику. А потом навалятся на нас. Подгонят силы. И вряд ли мы продержимся долго. Особенно если они укрепятся артиллерией...

– Довольно о грустном, Михалыч, – начальник криминалки шлепнул ладонью по лбу, прихлопнув комара – этих тварей здесь было видимо-невидимо, – продержимся до ввода войск, а там...

– А ты думаешь, войска введут?

– Не знаю, – покачал головой начальник криминалки. – И что предлагаешь, командир?

– Пока не решил, – нахмурился командир мобильного отряда. И невольно втянул голову в плечи, когда загрохотала новая длинная пулеметная очередь – бандиты патроны не экономили и наслаждались самим фактом грохота выстрелов, режущих воздух пуль и ощущением бьющей по руке отдачи оружия...

Полковник был прав. Мятежникам пока было чем заняться. В республике продолжался захват власти. И главную скрипку играли те, кто по долгу службы обязан костыли лечь для защиты конституционного строя Российской Федерации – Гвардия Президента Ичкерии...

Что это за зверь такой и откуда он взялся? Все очень просто. После окончания второй ичкерской кампании и восстановления федерального контроля над территорией Ичкерии во всей остроте встал вопрос о создании республиканских силовых структур. Идея в принципе актуальная – трудно контролировать территорию без опоры на местное население, без мощного, сцементированного слоя местных представителей власти, лояльных России и жизненно зависящих от нее. Как всегда в новой истории государства Российского, вопрос был решен традиционно идиотским способом. Московские умники принялись тупо вооружать горцев, которые лицемерно, но горячо клялись в своей верности федеральной власти и входили в якобы дружественные родовые кланы – тейпы. Подчинялись созданные таким образом вооруженные формирования лично Президенту Ичкерии. Для видимости хоть какой-то легитимности их начали организационно поочередно вводить в различные ведомства. Побывали они и в Министерстве обороны, и в МВД, и даже, угораздило же, в Министерстве по чрезвычайным ситуациям. Затем был создан достаточно странный антитеррористический центр Ичкерии, не входящий ни в одну силовую структуру, не прописанный ни в одном из законов, но зато воору-

женный до зубов. В конечном итоге формально эту шайку ввели в состав внутренних войск, а неофициально она получила название Гвардии Президента Ичкерии.

Когда ставился законный вопрос – как согласуется с российским законодательством принятие на службу в органы внутренних дел людей, за каждым из которых по десятку статей Уголовного кодекса, в том числе терроризм, в ход шла циничная риторика. Мол, Кавказ – это тонкое дело. Люди деятельно раскаялись. Будут верны, как сторожевые псы. Да и привыкли они воевать, грех их отрывать от любимого занятия, можно сказать, призвания. Воевали против России. Теперь повоюют за Россию. От них не убудет. Робкие попытки центральных силовых органов Российской Федерации навести в этой махновской вольнице хоть какой-то порядок пресекались вышестоящими указаниями – не троньте союзников, их у нас и так немного.

Прославились гвардейцы не столько успешными боевыми действиями против террористов, сколько борьбой с врагами президентского тейпа и жестокими карательными акциями. Ну и, естественно, постоянными стычками с федеральными силовиками, иногда перерастающими в боевые столкновения.

Таким образом, на момент мятежа главной боевой силой в Ичкерии была Президентская Гвардия, костяк которой составляли боевики, утомившиеся от борьбы с Российской армией и сдавшие оружие. Занимался ее формированием лично Ибрагим Ахмедханов, в то время вице-президент Ичкерии, а ныне глава самопровозглашенной республики. В связи с этим становилось понятно, каким образом эта структура стала ядром мятежа. Натасканным псам пообещали жирный кусок от дележа Ичкерии.

В первые же часы мятежа хорошо вооруженные гвардейцы подтянулись ко всем подразделениям МВД, благо временные отделы внутренних дел, сформированные из представителей милиции с Большой Земли, в свете мнимой нормализации оперативной обстановки в прошлом году приказали долго жить и сопротивляться было некому. Те немногие сотрудники милиции из Центральной России, прикомандированные к каждому постоянному отделу, были нейтрализованы предельно жестко – треть перестреляли их же коллеги из РОВД, две трети теперь томились в застенках и ждали своей участи. Несколько российских сотрудников МВД, надо отметить, с помощью своих ичкерских коллег умудрились избежать ареста, ушли в сторону Дагестана и Ставрополя, затерялись в горах. Двоих из них отловили. При этом одному гвардейцы в горном ауле принародно отрезали голову, дабы воодушевить селян на подвиги во имя освобождения Родины. Воодушевления у селян особого не наблюдалось – люди устали от войн. Но страх показательная экзекуция внушила, для чего все это кровавое зрелище и было устроено.

Мятежники руководствовались словами основоположника марксизма Карла Маркса, который знал толк в подобных вещах: «поднимая восстание, чрезвычайно важно добиться первого громкого успеха, а затем идти от него к новым успехам, ни на минуту не прекращая наступления на врага, пользуясь его растерянностью»...

Согласно заветам основоположника марксизма мятежники быстро и споро передавали оставшиеся после демилитаризации Ичкерии несколько блокпостов. Для этого использовали бронетранспортеры – из тех, что стояли на вооружении Ичкерского ОМОНа, тоже моментально переметнувшегося на сторону мятежников.

Милиционеры с солдатами на блокпостах бились ожесточенно. Большинство там и полегло. Несколько сдались на маловероятную милость победителя...

Занозой у мятежников были последние силовые федеральные структуры – отряд пограничников, мобильный отряд МВД, батальон ВВ. И особенно сто пятьдесят шестой мотострелковый полк (последняя из оставшихся на территории Ичкерии войсковая часть Министерства обороны). Все они были заблокированы и подвергались систематическим нападениям. Правда, в отношении полка пока особо активных действий не предпринималось. Зубы на развернутом по штатам военного времени полку пробовать опасно – их обломать легче легкого. Но и

высовываться за пределы расположения воякам не давали. Да они и не стремились, терпеливо ожидая директив из Москвы. Но столица молчала. Максимум, что можно было услышать в эфире, – поступайте согласно обстановке, однако необходимо во что бы то ни стало избежать жертв среди мирного населения. Что означало – сидите и не вякайте, ждите у моря погоды, не до вас...

Через два дня после начала мятежа на заставу внутренних войск у границы Дагестана с Ичкерией вышла группа вооруженных, оборванных людей. Четверо шли на своих ногах, один тяжело опирался о ручной пулемет Калашникова. Одного несли на плащ-палатке.

– Стоять!!! – крикнули пограничники, беря пришельцев из иного мира на мушки крупнокалиберного пулемета и нескольких автоматов.

Человек, шедший во главе группы, гордо выпрямился и крикнул:

– Отставить! Свои! С блока сорвались!!!

И, больше не в силах стоять, присел на колено...

Уже поздним вечером в палатке отряда спецназа внутренних войск, зажав в руках кружку с водкой, капитан внутренних войск угрюмо, отрывисто рассказывал, как тяжел и смертелен был их бой. Как по рации срывающимся на фальцет голосом оставшийся в живых на соседнем блоке сержант-контрактник, перекрикивая автоматные очереди и понимая, что погибает, выдавал в эфир, что атакован горцами и что гвардейцы с местной милицией на стороне бандитов. Как предупрежденный капитан приказал встретить приближающуюся колонну всеми имеющимися в наличии огневыми средствами, развеяв ее и наддав жарку... Как отбивались бойцы, понимая, что надолго их не хватит. И как потом, взяв с собой раненых и боекомплект по максимуму, они ушли в сторону границы. Как плутали по горам, пересекая быстрые горные реки. Отрывались от наступавших на пятки мятежников, травивших русских, будто дичь. Понимая, что их настигают, вошли в аул, заняли оборону и бились, прикрываясь – что не делаешь на войне – заложниками из местных. Как ночью сорвались дальше в горы и к рассвету пересекли черту, означавшую границу черной дыры, в которую за несколько часов превратилась Ичкерия.

– Ты пей, браток, – подбадривал его командир батальона. – Залить тебе водкой эти невзгоды надо.

И капитан глотал водку, как воду, не пьянея. И опять вспоминал крики своих погибавших солдат. Они до самого конца, до могилы будут звучать в нем, отдаваясь глухой тоской...

Глава 6

Все пройдено не раз. Немного суетные, как всегда, сборы. Выстроившаяся в полном боевом оснащении группа. Ник ничего не пускал на самотек, он со всей тщательностью проверил оснащение и вооружение каждого. Вещей привычно было, как у беженцев, бегущих от Мамая. И ведь все необходимо, каждая финтифлюшка может стать при случае жизненно важной.

– В машину, – кивнул Ник, оставшись удовлетворенным состоянием группы.

Санитарный «уазик», зеленый, с красным крестом, – такие вояки прозвали «таблетками» – доставил десантников до аэродрома и застыл на бетонной полосе аэродрома. Боевая старенькая, латаная-перелатаная ездовая кляча – вертушка-«Ми-8» отдыхала на отведенном ей на полосе месте, устало опустив натруженные лопасти.

Моросил мелкий противный дождь, и ветер налетал порывами, резко и агрессивно. Около вертушки толпился народ, кто в форме, кто в гражданке, что не лезло ни в какие ворота. Непорядок – разведывательно-диверсионные группы не возят в общих вагонах. Но на правила давно все плюнули. Вояк много, а вертушек мало. Поэтому десантники могли насладиться зрелищем, как летчики облаивают журналистов «Известий», которых черт несет в Моздок. Фотокорреспондент хотел запечатлеть на навороченный цифровой фотоаппарат своего коллегу в салоне боевого вертолета. И нарвался на командира экипажа.

– Что, хотите, чтобы навернулись, да?! – орал капитан в светлом комбезе, лицо его наливалось кровью.

– А что? – хлопал наивными глазами незадачливый фотокорреспондент.

– Нельзя фоткаться перед вылетом!

– Примета, что ли?

– Примета! – гаркнул летчик. – Из жизни! Бывали случаи, что после этого сбивали... Принес вас леший на мою голову!

Потом привычный взлет переполненной машины. Проплывали внизу под брюхом редкие леса и озера, игрушечные машины, здания, дороги, пересекающие южную русскую степь и квадратики полей. В открытый иллюминатор врывался ветер. Трясучка. Грохот винтов...

Десантники подремывали, кроме Фауста, который что-то сосредоточенно жевал. Он вечно что-то поглощал – в него влезало огромное количество еды и выпивки и закуски. Он постоянно был озабочен одним – едой... Коллеги посмеивались, что ему и оружия не надо давать. Забросить в тыл врага, и супостаты с голоду сдохнут – Фауст их обожрет...

Через полтора часа посадка. Удар колес о бетонку. Прибыли. Здравствуй, Моздок.

Моздок – столица группировки,
Казбек маячит вдалеке.
А мы опять в командировке
С солдатским скарбом налегке...

Бизон начал насвистывать известную еще с первой войны песню.

Когда-то здесь был аэродром морских ВВС. Здесь же располагалась бомбардировочная авиация, имелись и стратегические бомбардировщики, порезанные в конце восьмидесятых автогенном в рамках капитулянтского разоружения России. Когда Кавказ в девяносто четвертом вспыхнул, Моздок, прилично захиревший, стал главным плацдармом для ведения боевых действий на мятежных территориях.

Вертолет с рокотом вырулил на стоянку и встал в рядок со своими собратьями – еще семью такими же побитыми жизнью и душманами транспортными «восьмерками» и вертоле-

тами огневой поддержки с характерным хищным профилем – «Ми-24», в просторечии «Крокотилы».

Десантники неторопливо выбрались из вертолета, лениво потягиваясь. Огляделись на до боли знакомый пейзаж. Здесь дождя не было, притом давно – пыль стояла столбом. Как всегда, на аэродроме царила суета и неразбериха. На бетонке застыл недавно приземлившийся здоровенный военно-транспортный «ИЛ-76», по наклонной рампе хвостового грузового люка спускались и выстраивались солдатики – свои, десантура. Выруливал, ревя турбинами, с взлетно-посадочной полосы только что приземлившийся небольшой «Ан-72» – это завсегдатай Моздока, давно знакомый самолет внутренних войск. За капониром маячил остов стратегического бомбардировщика, давно выпотрошенного, – памятник временам, когда в стране все шло путем, притом верным, и все были озабочены защитой от внешнего, а не внутреннего агрессора. По полю метались озабоченные военные. В «Корову», самый большой транспортный вертолет в мире «Ми-26» (американцы, впервые увидев его, заявили, что эта штука летать не может, это против законов природы), с криками, шутками и прибаутками загоняли боевую машину пехоты.

Суета царила здесь нетипичная. Не надо иметь большого опыта, чтобы понять – идет переброска войск.

– Да, все по-взрослому, – оценил Цыган.

Десантники ждали недолго. К Нику подошел двухметровый подполковник, шишковатая лысая голова делала его похожим на жабу. На нем ладно сидела полевая зеленая форма.

– Подполковник Грачев, – козырнул он молодецки – сразу видно, штабная крыса, а не полевая мышь. – Разведотдел группировки.

Он пожал всем руки и кивнул на машину – черт знает откуда взявшийся у военных просторный «Джип Чероки»:

– Домчим с ветерком.

– Трофей, что ли? – заинтересовался Цыган источником такого богатства.

– Ну что-то типа того, – кивнул Грачев.

За джипом пристроился еще один «уазик», просевший после того, как туда запихали вещи и экипировку десантников.

Наконец суетный день, состоящий из передвижений, представлений, решения множества мелких служебных и бытовых проблем, подошел к концу. Группа устроилась на постой в расположении группировки – настоящем городе из вагончиков и палаток. Боевая техника, оборонительные сооружения, колючая проволока – всего этого добра было в избытке. Десанникам выделили душный вагончик с марлевыми сетками на окошках – в такую погоду, когда то сырость, то духота, замучивает комарье. Хозяйственный и умеющий влезть в душу Фауст за считанные часы добыл одеяла, чистое белье, электрический чайник и еще кучу всяких нужных вещей, которые можно найти на складах и о которых широкой военной публике ничего не известно. Прапорщик прапорщика всегда поймет. Распечатал вещи, навел порядок, и вагончик приобрел вполне жилой вид. А с приближением темноты, когда жара отступила и спустилась долгожданная прохлада, пришло время визитов. Нужно было выведать горячие новости, напиться сплетнями. Просечь ситуацию, прикинуть перспективы, просчитать, к чему готовиться.

В группировке было несколько человек из их десантной дивизии – два офицера из штаба и еще несколько из третьего десантно-штурмового батальона. Спецназовцы отправились к ним в гости.

– Ну, это смазать надо, – обрадовался прибытию сослуживцев майор из штаба дивизии, копаясь в рюкзаке и извлекая одну за другой бутылки водки. Благо водки в Республике Осетия залеяся – стоит она чуть дороже молока и к тому же вполне приличная.

– Нам бы чайку, – хмыкнул Ник.

– Ну, вы вообще, – разочарованно произнес майор, но бутылку все-таки раскупорил и разлил по стаканам своих соседей по вагончику – офицеров из Псковской дивизии ВДВ.

Цыган вздохнул, глядя на это пиршество. В группе сухой закон царил строжайший. Зато, к ожиданию Фауста, жратвы было завалилось – стандартные армейские сухпай, жареная картошка, купленные недалеко от расположения части зелень, помидоры и абрикосы.

– Ну, за встречу, – штабной майор поднял стакан.

После второго стакана, тоже пролетевшего мимо спецназовцев, Ник как бы невзначай бросил:

– Ну что, братки, будем воевать?

– А как же, – икнул штабной майор, занюхивая стопку половинкой свежего помидора.

– По-взрослому? – спросил Цыган, это была его любимая фраза, которая прочерчивала раздел между праздным бесполезным времяпровождением и настоящей работой.

– А это вопрос...

Спецназовцы привычно росли в быт группировки. О полноценных тренировках речи здесь не могло идти – не было подходящей материально-технической базы. Но Ник поддерживал группу в боевом состоянии. Часы пролетали за изучением вероятного театра военных действий, хотя его все и так знали отлично, особенностей рельефа местности, ее характерных ориентиров. Ну а также повторяли в сотый раз необходимые премудрости из взрывного дела, работу со средствами связи. Ну и отработка навыков рукопашного боя, психотренинг – куда же без них!

Потянулось ожидание. В группировке напряжение все росло. Один за другим садились транспортные самолеты с войсками. Приходили составы с боевой техникой. Войсковые подразделения рассредоточивались вдоль границы с Ичкерией.

У квартировавших рядом офицеров-связистов был телевизор с выведенной наверх антенной. Все ждали новостей, но телевизор давал их весьма дозированно. Поэтому их заменяли слухи. Притом самые невероятные, из которых тот, что начинается третья ичкерская война с участием вооруженных сил третьих стран, – самый безобидный.

И вдруг неожиданно будто плотину прорвало. Новости посыпались как из рога изобилия. Десантники сидели у связистов в палатке и смотрели репортаж, как Верховный Совет Ичкерии объявляет независимость от России и призывает к международному сообществу: «Спешите признать новое государство и образумить Россию во избежание большой крови. Северный сосед готов нарушать любые международные нормы, в том числе о праве наций на самоопределение. Однако вайнахский народ готов полечь до последнего, но не допустить, чтобы сапог захватчика топтал земли предков».

– Все, доигрались, суки, – воскликнул Цыган, подавив желание врезать кулаком по экрану телевизора. – Что и требовалось доказать...

– Ничего, ядрён-батон, – отмахнулся Фауст, проглотив кусок серьезного бутерброда. – Всех замочим.

– Ага. Сейчас вот пожрем и всех их по кочкам разнесем. И вообще, если... – Акула не договорил, его прервал зазвонивший в кармане мобильник.

– Светулик, дорогая, – фальшиво воодушевленным голосом воскликнул он. – Я в командировке. В Москве. Мы получили новую партию товара. Какого товара? Да нет, я имею в виду исковое заявление...

С утра до вечера Акуле звонили девки. Он расписывал в красках причину своего срочного отъезда, а так как он всем врал о роде своей деятельности – то он бизнесмен, то юрист, – в результате порой окончательно запутывался, что и кому врать.

– Блин, выброшу телефон! – отложив выдавший виды надежный «Сименс», с чувством произнес он. – Денег не напасешься.

– Юрист, – усмехнулся Цыган.

– Не воякой же представляться. Не котируется...

– Не котируется...

– Ну да, – улыбнулся Акула. – Я гляжу на мир через прорезь автомата. А гражданские недомерки – через щель банкомата.

Двое связистов с интересом смотрели на это театральное представление.

Не успел Акула дать отбой, как телефон зазвонил снова. Но тут лицо его расплылось в блаженной улыбке.

– Как там моя лапочка? Как там моя маленькая? Ну, дай ей трубку... О, голос подает.

Это звонила очередная его любовница. Но многообещающее слово «лапочка» относилось не к ней, а к Клеопатре – любимой длинношерстой таксе Акулы. Уезжая в командировки, он оставлял ее на очередную свою особо приближенную любовницу.

– Ты ее сухим кормом не перекармливай... Свежее мясо давай... И с поводка не спускай... Слышишь, с поводка не спускай... Поняла, Риточка? Я тебя целую... Дай Клепе трубочку, пускай еще в нее порычит...

На третью ночь Ника вызвали в разведотдел. Там он поприисутствовал при беседе офицеров из разведотдела группировки с капитаном внутренних войск, тем самым, который с остатками солдат со своего блокпоста вышел к Дагестану.

– Можете меня судить, – все время повторял капитан. – Но я не мог удержать блокпост.

– Никто вас не собирается судить, – говорил начальник разведотдела, седой полковник. – Вспомните еще один момент...

С него выцеживали информацию уже по капельке. Все было важно, каждая деталь. И Ник вникал в детали, впитывая информацию, как губка.

Из рассказа капитана он понял больше, чем из всех информационных сообщений, справок, сплетен и слухов. Ему стало совершенно ясно, что мятеж был не только заранее спланирован, но и готовился долго с привлечением хороших специалистов. Слишком слаженно и четко у них все прошло. Ощущалась легкая рука мастера.

Еще Ника волновала цель, с которой его пригласили на эту беседу. Вывод напрашивался однозначный – группу готовят к заброске и вводят в курс происходящего на вражеской территории. Притом заброска будет в самое ближайшее время...

Как в воду глядел. К пятнадцати часам следующего дня всю группу вызвали в штаб. Встретил их тот самый лысый здоровенный подполковник, с которым они познакомились на взлетной полосе по прилете в группировку.

– Товарищи офицеры, – поднялся подполковник и вытянулся по струнке.

Спецназовцы поднялись и тоже вытянулись по стойке смирно, не особо рьяно, более вальяжно – положение псов войны обязывает.

В комнату вошел заместитель командующего группировкой генерал-лейтенант Суриков. Цвет лица у него был нездоровый, сам осунувшийся – видимо, со сном и здоровым образом жизни ему в последнее время не особо везло.

– Ну что, орлы, десантники, – не слишком радостно улыбнулся генерал. – Готовьтесь к глубокой заброске...

Он встал перед группой, покачиваясь с носков на каблуки. Обвел всех тяжелым взглядом. И отчеканил:

– Группа, слушай боевой приказ...

Глава 7

Ичкерия бурлила.

По республике как цунами катились стихийные митинги, в которых ощущалась вовсе не стихийная, а организующая и направляющая сила. В столице Ичкерии городе Грозном с утра до ночи митинговали в поддержку свободы и Парламента, а также высокоуважаемого главы Ичкерии Ибрагима Ахмедханова. В глазах рябило от зеленых повязок, портретов убиенного Президента Тайсумова и здравствующего Ахмедханова. Стоял гул голосов, вырывающийся из тысяч глоток. Вся эта вакханалия сопровождалась салютом из огнестрельного оружия – грохот стоял оглушительный. На «КамАЗ», кузов которого заменял трибуну, один за другим взбирались все новые ораторы, пытавшиеся в мегафон перекричать толпу.

– Смерть тем, кто войдет на нашу святую землю!

– Смерть русским собакам!!!

В поддержку оратора салютовали все согласные с этими утверждениями, а согласны были все.

– Не посрамим нашей славной истории. Горцы били и будут бить завоевателей!

Тут уже сам оратор от избытка чувств из «стечкина» палит в воздух.

– Очистительный огонь джихада, вспыхнувший здесь, разгорится по всей России. По всему миру!!!

И обещания. Обещания. Обещания... Завораживающая картина ближайшего будущего. Единое исламское государство от Черного до Белого моря. Поверженная Россия. Освобождение томящихся под игом иноверцев мусульман и гибель всех неверных. Свобода, свобода, свобода...

Опять грохот очередей...

Под шумок, пока еще робко, началась раздача оружия гражданам, верным идеалам свободного исламского государства, а таких оказалось немало (в основном их привлекали обещанные дивиденды от смены власти да возможность пограбить всласть). Стволы извлекались из схронов, которые не удалось откопать федералам во время двух войн. Раздавались с милицеских и фээсбэшных складов... Оружие, оружие.

– Все на защиту свободы Ичкерии!

Сама территория республики кроилась лоскутами. Где-то мятежники установили полный контроль. Где-то инициативы новых властей вызывали у местного населения здоровый скепсис. В ряде сел и городков жители наотрез отказывались признавать новую власть.

В поселке Осиновском собрался многочисленный митинг. Это было приграничье со Ставропольским краем. Местные жители издавна были достаточно лояльны к русским соседям, жили своими интересами и принципиально не лезли ни в какие конфликты. К смене власти отнеслись как к стихийному бедствию – мол, конечно, землетрясение потрянуло сильно, но нас вроде не затронуло, и пошли все к шайтану.

– Ахмедханов сильный. Ахмедханов умный. Пусть он победит русских. А мы посмотрим. Это не наша забота! – заявил глава администрации, собрав своих сотрудников вместе с уважаемыми людьми. Возражений не последовало. Нового главу Ичкерии в этих местах никогда за авторитета не признавали, как, впрочем, и ныне покойного Президента Адама Тайсумова.

Впрочем, отгородиться от того, что творилось в республике, жителям Осиновского не удавалось. Рядом с селом был развернут госпиталь Министерства по чрезвычайным ситуациям для помощи пострадавшим от недавнего селя – тогда многие дома были сметены. Спасатели и врачи вытаскивали немало местных жителей с того света, поэтому к военным относились здесь душевно.

В первые дни мятежа нескольких врачей в военной форме пытались захватить гвардейцы, прикатившие на двух джипах. До села они не доехали. Дорогу перегородили два грузовика, вокруг них толпились вооруженные местные жители. Глава администрации вышел вперед, сжимая в руках потертый автомат Калашникова, и предупредительно поднял руку:

– Тормози! Дальше пути нет.

– В село надо. Митинг провести. Забрать пособников антиисламского режима, – объявил вышедший из головного джипа перепоясанный лентами бандит. На боку его болтался «стечкин» в деревянной кобуре – оружие полевых командиров и прочих уважаемых людей.

– Занимайтесь своими делами, – посоветовал глава администрации. – Мы сами разберемся.

– Что делаешь? – возмутился бандит. – Почему так ведешь? Зачем машины поставил? Мешаешь законной власти?

– Законная власть здесь я.

– Ты неверных защищаешь... В то время как наш народ...

– Наш народ здесь, – оборвал пафосную речь глава администрации. – Ни один из твоих абреков в село не войдет...

– Наш Президент Ибрагим Ахмедханов...

– Не Ахмедханов, а я отвечаю за село...

– Ответишь, – с угрозой произнес бандит, обернулся, процедил сквозь зубы ругательство и уселся в джип. Кавалькада развернулась и двинула в сторону Грозного.

История повторилась на следующий день. Только джипов было уже четыре, и их поддерживали два БТРа с наскоро нарисованными на бортах зелеными знаменами Свободной Ичкерии – государственное знамя утвердил вчера высший законодательный орган Ичкерии под радостные вопли на площади и ураганную стрельбу из всех видов оружия.

На этот раз с БТРа спрыгнул уже другой старший – загорелый, больше похожий на араба.

Глава администрации опять вышел вперед:

– Мы уже все сказали. Мы гарантируем лояльность новой власти и порядок. С нами проблем не будет... Уезжайте.

Старший согласно кивнул головой. Махнул рукой. Стоявший за его спиной абрек ловко вскинул автомат Калашникова и одиночным выстрелом в грудь аккуратненько свалил главу администрации.

Секунда оторопи. Потом отчаянный женский визг. И крики. Селяне, толпящиеся около перекрывавших дорогу грузовиков, вскинули оружие. На пришельцев уставились десятки стволов. Не хватало одного шального выстрела, чтобы началась кровавая баня.

БТР развернул башню и дал очередь из КПВТ поверх голов, зацепив верхушку стоящей рядом мечети – брызнули осколки красных кирпичей...

– Сложить оружие!!! – заорал в мегафон худосочный, со злым лицом закоренелого уголовника, моджахед в камуфляже, сидящий на броне.

Еще пара предупредительных очередей из пулемета. Селян разоружили – сопротивляться было бессмысленно. В это время еще одна колонна перегородила выезд из села с другой стороны. Вскоре в селе последовала зачистка.

Бандиты оцепили медицинский пункт Министерства по чрезвычайным ситуациям, где лежали раненые и работали врачи. Часть персонала успела разбежаться. Медсестру, уже не молодую, под радостный гогот одуревших от крови абреков изнасиловали и расстреляли прямо около операционной. Врача подполковника МЧС со словами «кагэбэшник» уложили на пыльный асфальт и вогнали в него два магазина – расстреливали, как мишень, опять под жизнерадостный смех. Бандиты были счастливы. Они знали, что могут делать все. Они пили вседозволенность, как самогон – залпом, не зная меры...

Запылили два дома, где проживали русские семьи. Тут же, у забора, было расстреляно несколько человек, среди них – брат главы администрации, учитель и русский ветеринар. Еще с десяток человек угнали в неизвестном направлении. Карательная операция в лучших традициях эсэсовцев была проведена быстро и беспощадно. Моджахеды укатили под ненавидящие взгляды, оставив за своей спиной множество кровников.

Маховик насилия был запущен и раскручивался с каждым днем все сильнее. В Ичкерии начиналась резня. Слетали все тормоза: законы России не действовали, адат – древний уклад горцев – тоже летел к чертям. Одуревшие от крови абреки уже готовы были класть пачками и своих, и чужих. По республике металась мобильные карательные отряды. Их жертвами были все пророссийски настроенные представители недавней государственной власти и обычные граждане, не испытывающие энтузиазма от грядущего величия нового исламского государства. Несчастных расстреливали, избивали до смерти, сжигали в домах, иногда вместе с семьями. Или арестовывали. Из изоляторов временного содержания в органах внутренних дел были торжественно отпущены все задержанные, часть из них изъявила горячее желание влиться в ряды борцов за независимость. На место отпущенных грабителей и убийц сели те, кого подозревали в связях с «оккупантами». На всех камер не хватало, изоляторы были переполнены. Пришлось создать два фильтрационных пункта, куда сгоняли «врагов Свободной Ичкерии», их родственников, а также тех, кто просто не вовремя попался на глаза. Небольшие концлагеря местного значения организовали в горах, в кошарах. У каждой более-менее многочисленной банды, которых, как по мановению волшебной палочки, возникло огромное количество, был свой «зиндан» – так в мусульманском мире называют тюрьмы...

В это время по Москве катился черный представительский «Мерседес», за которым следовали два бронированных джипа с охраной и черный «БМВ». Впереди с трудом разгонял поток машин милицейский «Форд» с надписью «ГАИ». Кавалькада двигалась от Ясенева, где располагалась штаб-квартира внешней разведки России, в центр города. Председатель Совбеза и директор Агентства Федеральной безопасности возвращались со встречи с директором Федеральной разведывательной службы России, посвященной положению на Кавказе. При этом Кутасов пересел из своего «БМВ» в «Мерседес» начальника АФБ.

Они комфортабельно расположились на заднем мягком кожаном сиденье в просторном салоне, перегородженном прозрачной перегородкой, не позволявшей водителю слышать разговоры важных пассажиров. Перед ними горел экран небольшого жидкокристаллического телевизора, по которому шли последние видеозаписи, где руководитель нового исламского государства Ибрагим Ахмедханов распинался на площади перед своими будущими избирателями, увешанными оружием, о целях освободительной борьбы. Речь его текла гладко, в основном он пользовался русским языком, то есть языком оккупантов, но это возражений у собравшегося электората не вызывало.

– Ну ты посмотри, каков гусь! И ведь не запнется ни на секунду, – покачал головой Кутасов.

– Пустышка, – бросил Председатель Совбеза.

– Пустышка не пустышка. А развернулся-то как.

– Я его, мерзавца, хорошо знаю. Вряд ли наши заморские друзья сделали бы ставку на него. Он слаб... Это ширма. Кто-то из его окружения в этом театре марионеток за ниточки дергает.

– И как считаешь: кто?

– Есть несколько кандидатур... Вообще-то, об этом должен спрашивать у тебя я, друг мой. Кто из нас руководитель самой мощной в стране спецслужбы?

– Кукловода мы вычислим, – заверил директор АФБ. – А дальше? Знаешь же, что такая информация ничего не значит, если не подкреплена готовностью к силовым решениям. Ситуация усугубляется с каждым днем. И никаких политических решений не принимается.

- Да, теряем время.
- Это не самое страшное, – сказал директор АФБ.
- А что самое страшное? – скептически спросил начальник Совбеза, продолжая глядеть на экран.
- То, что мы можем потерять все...

Глава 8

Сегодня здесь, а завтра там,
Вступает в бой
Привычно круто.
Когда с брони, когда с борта
Десантно-штурмовая группа...

Эту песню то ли напевал, то ли нашептывал Бизон, барабана пальцами по колену. Шум авиационных двигателей заглушал его слова...

Глубокая заброска... Для командира группы Ника это была незнамо какая по счету боевая операция. Как всегда в предчувствии боевой работы, он преображался, в глазах загорался азартный блеск. Акула был угрюм и циничен. Губы Цыгана кривила ироническая усмешка. Фауст о чем-то сосредоточенно думал, но его мысли витали далеко от задания. За долгие годы боевой работы он научился быть психологически готовым к любой ситуации и привык не волноваться ни по какому поводу. По уровню непробиваемости с ним не мог сравниться никто, его нервная система по крепости уступала лишь его аппетиту...

Бизон впал в подобие ступора и только напевал себе под нос слова из бесчисленных песен, живущих в его памяти. За внешним спокойствием он скрывал огромное нервное напряжение. В такой переделке ему еще бывать не приходилось. Работа в зеленке в Ичкерии и боевые операции на границе с Грузией, выявление и отработка баз и схронов боевиков ни в какое сравнение не шли с предстоящей задачей...

В голову лезли непрошенные мысли. Воспоминания. И точил червь: а стоило ли ему прилагать такие усилия, чтобы очутиться в этом несущемся в темноту десантном самолете и, дождавшись приказа «пошел», шагнуть в неизвестность? Навстречу выстрелам. Разрывам. И смерти, мечущейся на просторах горной страны и одуревшей от изобилия приготовленных ей на заклание жертв.

Как-то странно дробилась на куски его жизнь. Будто Бизон жил на разных планетах. На другой планете, в другом времени были Москва и дом. На этой – ночной прыжок и схватка...

Жалел ли он в этот момент о том шаге, когда сказал «да» на предложение командира служить в лучшей разведывательно-диверсионной группе ВДВ? Скорее нет. Он получил возможность быть на острие удара, там, где сошлась вся ненависть и злость мира. Там, где человек может что-то изменить, где он не винтик бездушного механизма, а фигура. Здесь у него есть особое назначение. Ну а если не повезет на смертельно опасной тропе и ты сорвешься в пропасть, не такая уж и большая это плата за ощущение нужности и причастности к тем, кто творит Историю Страны. Вот только в груди какое-то томление и ледяная жаба...

– Приготовиться, подходим, – уведомил второй пилот, появившийся в отсеке...

– Приготовились, хлопцы, – продублировал Ник, проверяя снаряжение и на миг расслабляясь.

Группа уходит в очередной поиск. Оставлено в части все, что может иметь хоть какой-то нарек на личность. Документы, ордена, трамвайные билетки. Пусто. Ничего нет... Выходя в поиск, разведчики уже умерли, перешли в мир теней, не особо рассчитывая вернуться. Когда хочешь вернуться и думаешь только об этом, то настрой непременно скажется на собственной эффективности. Твоя эмблема – летучая мышь, существо, принадлежащее, по поверьям, к загробному миру. И возвращение из поиска – это воскрешение из мертвых.

Все, момент десантирования.

– Пятый – пошел! – приказал Ник.

По приказу «Пошел» я шагнул в никуда.
За невидимой тенью безликой Химеры.
Со свободным паденьем айда...

Великий поэт Высоцкий отлично выразил это состояние. «Шагнул в никуда»...

И Бизон шагнул в черную пустоту...

Темная, с редкими огоньками, земля внизу. Резкий удар ветра в лицо. Ни с чем не сравнимое ощущение падения. Которое, кажется, будет длиться вечно. Рывок. И ощущение свободного полета, которое отзывается волной дикого, безумного восторга...

При подготовке операции было решено разведывательно-диверсионную группу забросить с воздуха. Обычно при работе в Ичкерии, учитывая небольшие размеры республики, и в старые времена, когда там была свободная бандитская зона и приходилось осуществлять диверсионные мероприятия, до точки спецназовцы добирались по земле, с использованием различного транспорта или пешком, на своих двоих. Или десантировались с вертолета, который совершал, по афганскому опыту, обманные маневры и ложные зависания, чтобы местные моджахеда не смогли понять, где именно высажена группа. Но сейчас на все это не хватало времени. Был избран другой вариант – десантирование на планирующих парашютах – парaplанах. Они позволяли планировать десятки километров и корректировать точку высадки. Они напоминали таинственных птиц, рожденных воображением мистиков. Птиц мести и погибели.

Такой вариант высадки отрабатывался группой не раз. Но – на учебе. В реальной боевой операции способ применялся впервые. Этот факт добавлял нервозности.

Темные полотна парaplанов, практически неразличимые во тьме, скользили в вышине. Да и вряд ли кто-нибудь из бандитов пялится в небеса. Самолет, с которого было проведено десантирование, давно уже ушел в сторону Моздока...

Земля приняла десантников привычным ударом по подошвам ботинок...

Приземлились в предгорье, рядом с лесополосой. Справа шла дорога, пустынная и неосвещенная. Слева – лесной массив, тянувшийся на десятки километров, в свое время он доставил немало головной боли федеральным войскам. Ник со своей командой проводил здесь мероприятия и в Первую Ичкерскую, и между первой и второй, и во вторую... Ему даже не надо было сверяться с планшеткой, где находился компьютер со спутниковым определением местонахождения, чтобы понять, где они находятся. Два десятка километров до крупного села Светлое, пятнадцать – до федеральной трассы. Сорок четыре – до Грозного.

Приземление прошло удачно. Разрушенная водокачка означала точку сбора на случай, если кто отобьется от группы. Собрались все максимально быстро. Никаких телесных повреждений, потери имущества и оружия. Уже удача...

– Все в сборе, хлопцы, – обвел Ник глазами свою команду. – Скрываем следы, и вперед...

Ни намека нельзя оставлять на то, что здесь приземлилась разведгруппа. Свернуть парaplаны, завалить ветками, прикопать... Не ахти какая конспирация, но на первое время хватит.

Бизон поежился. У него возникло совершенно особое чувство. Пронзило острое ощущение – здесь чужая земля. Даже при работе в зеленке такого не было. Все-таки тогда территория находилась под худым, но все же контролем федералов. Сейчас же здесь воцарился враг. И земля у разведывательно-диверсионной группы Российской армии будет гореть под ногами...

Гореть под ногами.

Бизон потянул носом. Действительно, несло гарью. Он огляделся. Справа на горизонте пылало алое зарево.

– Нефтебазу рванули, – оценил Цыган. – Не меньше.

– Не наше дело, – произнес Ник. – Вперед...

Вперед так вперед. Диверсанта ноги кормят, как и волка. Группа устремилась в глубь мятежной территории.

Порядок передвижения строго определен. Звуковые и визуальные сигналы – тоже, все отработано до автоматизма. Головной дозор из Цыгана и Акулы – в пределах звуковой и зрительной связи с группой. Идущий первым задает темп, другие подстраиваются. Как в марафоне. Только жаль, нет в числе олимпийских видов спорта марафона по ночному лесу, наполненному растяжками и врагами...

Ночью отступила изнурительная жара, уже второй день терзающая юг России. Ночью посвежел пыльный воздух. Ночью легче идти.

Первый привал продолжительностью десять минут через полчаса. На нем надо проверить – все ли в норме, не мешает ли оружие, снаряжение при движении, не гремит ли что-нибудь, не демаскирует ли. Со снаряжением все в полном порядке – не придерешься. На десанниках последняя модификация тактического комплекта «Выдра», состоящего из безразмерного жилета и рюкзака, позволяющего упаковать грудку полезных вещей и перераспределить вес так, чтобы груз не давил на плечи. Поверх него – маскхалаты с похожими на ветки и листья прилепленными матерчатыми полосками, делающими десантников похожими на леших. Каждый предмет в экипировке подогнан бережно и с любовью, хрупкие вещи упакованы и обернуты, все закреплено тесемочками и ремешками. Десантники – эдакие передвижные барахолки. Но иначе нельзя...

Перевели дыхание. Расслабились, используя каждую секунду.

– Подъем! Ведет Фауст, – приказывает Ник.

Опять ночной лес...

Теперь привалы будут каждые полтора часа минут на десять. Иначе усталость свалит с ног. А десантники настроились на долгую работу. В боевом приказе от них требовалось, высадившись в назначенном квадрате, очертить плацдарм для высадки воздушного десанта и для расширения наступления с целью воссоединения с наступающими сухопутными войсками. Одновременно проводить глубокую разведку, выявлять и отмечать радиомаяками для осуществления БШУ (бомбоштурмовых ударов) места сосредоточения живой силы противника, штабов, техники. Выявлять местонахождение и по возможности уничтожать лидеров мятежа...

Темнота. Лес. Грохот выстрелов где-то вдалеке – там лупили из крупнокалиберного пулемета...

Не обращать внимания. Главное – темп и осторожность.

Не наступить на мину. Не наткнуться на засаду. Вперед...

Лес – друг диверсанта. Ночь прикроет его покрывалом от чужих глаз. Ноктовизор – прибор ночного видения в виде очков – сделает тьму союзником. Слаженная команда. Слаженные действия...

Вперед. До рассвета предстоит покрыть запланированное расстояние...

Светало, когда группа вышла к первой запланированной точке. По пути не возникло никаких проблем. Бросок прошел на редкость гладко. Пока везение не оставляло группу. Ник славился везением, хотя и не доверял ему. Фортуна – дама изменчивая.

Вышли к точке и вовремя. Вот оно, село Светлое.

Ник подал знак, кивнул. Цыган и Фауст растворились в зеленке, прошуршали змеями по кустам. Была вероятность, что на подходе к селу выставлены секреты. Вполне можно нарваться на засаду...

Десантники двигались осторожно. Диверсанта – это большая дикая кошка. Ступает мягко, только водит ушами и носом – все норовит засечь малейший беспорядок в окружающем мире, уловить нарушение обыденного ритма. Прислушивается к шуршанию трав и пению птиц. На этой охоте кто раньше обнаружит противника, тот и останется жив...

Фауст с Цыганом обследовали подступы к селу. Наметили маршрут выдвижения и точку наблюдения. Секретов нет, засад и растяжек – тоже.

Вскоре вся группа сосредоточилась на заросшем жестким кустарником взгорье, откуда открывался вид на Светлое – село на несколько сот домов... Ичкерские села – это не российские с тремя-четырьмя десятками развалившихся лачуг. Ичкерское село многолюдно – это оплоты тейпов, исконного образа жизни. В Светлом правили бал Мовсаевы. Здесь находилась одна из баз Исламской Гвардии Ичкерии, как это бандформирование теперь называлось официально.

Почти рассвело. Десантники тщательно замаскировались, прикрывшись растительностью. В масках их невозможно отличить от окружающей среды. Теперь их заметишь, если только наступишь. Но за миг до этого познакомишься с разведножом.

С избранной позиции база гвардейцев, расположенная на окраине села, была видна как на ладони. Над селом плыл густой черный дым. И явственно ощущался запах гари, паленой резины и нефти.

– Дела-а-а, – прошептал Ник, осматривая в бинокль окрестности.

Судя по всему, в последние дни жизнь в селе не заладилась. Один дом еще горел. От двух других остались головешки. На улицах пусто.

Эта база гвардейцев была обустроена два года назад на территории бывшей школы. Бетонный забор. Мешки с песком, закрывающие подходы. Вышка с пулеметом. Еще пара пулеметных гнезд. Ворота перекрывал «БТР-60ПБ», ощерившийся крупнокалиберным пулеметом. На броне сучала пара горцев.

Солнце ползло все выше. И база просыпалась. Там начиналось шевеление. На территорию въехал «Урал», и с него начали сгружать на склад ящики – явно не оружие. Похоже, доблестные воины ислама грабанули невзначай какой-то магазин или склад. Около казармы один абрек заставлял другого отжиматься от земли и колотил лежащего палкой по ногам. Это шел воспитательный процесс. На лавочки выползли и задымили сигаретами человек десять. Все обвешаны оружием, с зелеными повязками на головах...

– Беззаботны, как сытые дворяниги, – прошептал Цыган, разглядывая базу в безбликовый бинокль. Он устроился в укрытии рядом с командиром.

– Недооценивают противника, черти зеленоповязочные, – кивнул Ник...

Место для базы выбрано бездарно. В низине. Проглядываемое и простреливаемое. В принципе при желании можно было устроить гвардейцам Варфоломеевскую ночь, установив на возвышенностях пулеметные точки и миномет. Или навести звено «Грачей» или «Крокодилов» – и пишите письма мелким почерком. Но местные абреки такими вопросами не заморачивались. У них сейчас наступательная, а не оборонительная война. Так они думали...

Смотря на базу, разведчики привычно отмечали необходимые моменты. Наличие войск противника, антенных устройств (радио и радиорелейных станций), огневые точки, электроподстанции, личный состав, боевая техника, пути подхода и отхода, инженерные укрепления. Возможные варианты по огневому подавлению. Нанесение БШУ... Итак, боевая техника – три «коробочки» (так называют БТРы), пять бронированных «Уралов». Боксы для автомобильной и бронетехники – семь штук. Примерное количество личного состава – пока неясно, но не менее полусотни человек.

– О, забегали, тараканы, – хмыкнул Цыган.

На плацу собралась группа из нескольких гвардейцев. Потом из здания вытолкали прикладами троих человек – двух мужчин и женщину. Женщина едва держалась на ногах. На ней был белый халат медика. Судя по всему, русская. Мужчины страшно избиты. Один припадал на ногу, второй брел, согнувшись, как-то безучастно вздрагивая от сыпавшихся ударов. В бинокль были отлично видны улыбающиеся лица моджахедов. Они развлекались.

Из бокса вырулил зеленый фургончик «УАЗ-969». Пленных усадили в салон. Женщину толкнули последней, буквально швырнув на пол. Туда же протиснулись несколько абреков с автоматами.

Створки металлических ворот, толкаемые мощным электроприводом, расползлись в стороны. «Уазик», резко набрав скорость, вылетел с территории, обогнул БТР, абреки на котором что-то завопили вслед, радостно махая руками. Из окна фургона высунулся гвардеец и дал очередь вверх в знак приветствия.

– Заложников перевозят в более подходящее место, – высказал идею Цыган.

Но фургон свернул с дороги и пополз мимо огороженных высокими заборами домовладений. Скрылся из виду. Потом вынырнул с другой стороны села, обогнул его по объездной дороге. Остановился у овражного обрыва.

С верхней точки наблюдения разведчики могли видеть разворачивающиеся события как в кино – полный обзор.

– Не нравится мне это, – прошептал Ник.

– Ух ты, е!... – ответил Цыган.

Пленников вытолкнули из машины. Одного мужчину моджахеды отделили прикладом – жестоко, с криканьем, с разлетающимися в стороны брызгами крови. Оттоптали сапогами. Потом безобразно жирный приземистый абрек два раза прыгнул у него на спине. Бедняга так и остался лежать без признаков жизни. Второго пленника поставили на ноги, он как заводной стал раскачиваться из стороны в сторону. Женщина не смогла стоять и упала на колени.

Жирный абрек с блаженной улыбкой на устах, похожий на восточного божка, выстрелил из пистолета Макарова в стоящего пленника. Тот рухнул, и абрек разрядил в него обойму. Тело дергалось от каждого попадания, как от электрошока.

Бизон, лежавший по правую руку от Ника, прищурившись, поймал фигуру горца в прицел автомата «Вал».

– Отставить! – отрывисто произнес Ник.

Понятно, что отставить. Моментальный душевный порыв, который никогда не перерастет в действие. Разведчики – это киборги, созданные для выполнения боевой задачи. Эмоции не должны брать верх над разумом никогда.

– Они убьют их, – прошептал Бизон.

– Убьют, – кивнул Ник.

Толстый абрек сменил обойму. Взял стоящую на коленях женщину за волосы. И выстрелил ей в грудь...

Тела моджахеды сбросили в овраг. Никто даже не подумал о погребении. К мертвым относились здесь так же, как к живым. Как к мусору.

Занавес очередного акта трагедии. Все просто. Нет троих человек... Мятаж. Кавказская война. Захват власти.

Бизон сжал кулак. Он самый молодой в группе. Еще не привык. Но скоро привыкнет. Такие сцены десантники видели не раз. И перестали терзать себе нервы. Сентиментальный диверсант – это как волосатый кит, существо фантастическое.

Профессионал чужд сильных эмоций. Он бережно откладывает переживания в дальний пыльный ящик своего сознания. И ждет времени, когда можно будет извлечь эти долги на свет божий, стряхнуть пыль и предъявить счета к оплате. По самому жестокому тарифу... Так всегда было... И будет...

Фургон вернулся на базу.

Над поселком опять повисла тишина. Только полз дым от сгоревшего дома... Мертвый поселок. Никто не вылезал на улицу.

Разведчики продолжали наблюдение. Такая работа – наблюдать, ждать, собирать по крупицам информацию, которая в определенный момент может стать решающей и позволит спасти десятки и сотни жизней, нанести невосполнимый урон противнику.

Через некоторое время на базу въехал тентованный «Урал», откуда гвардейцы как мешки выбросили новую партию пленных, подняли пинками и погнали в кирпичное помещение. В подвал...

Цыган с благословения Ника скользнул к оврагу. Когда вернулся, сообщил угрюмо:

– Там жмуриков тьма. Когда их столько наколотили...

Безымянные жертвы, сваленные во рву... Мятеж продолжался.

Наконец, поняв, что ничего нового здесь больше не разглядеть, Ник дал знак – снимаемся, отходим в зеленку. Торчать тут дольше не было смысла.

Группа отошла на приличное расстояние от села и уже не рисковала нарваться на загулявших местных жителей или охранение боевиков. Фауст забил информацию в электронный планшет «Мастер-11» – переносную станцию космической связи и одновременно мощный компьютер с системой ориентирования нового поколения, похожую не на бак для продуктов, как старые рации, а на компактный ноутбук. Это техническое чудо, которого пока в вооруженных силах числилось не больше десяти комплектов, позволяло ориентироваться на местности при помощи российской спутниковой глобальной навигационной системы, при этом на жидкокристаллический экран выдавались подробнейшие карты Ичкерии с указанием местоположения до ста метров, туда же забивалась полученная развединформация. Станция через спутник скидывала сжатую пакетную информацию за миллисекунды. Ее не в состоянии засечь ни один пеленгатор. Или могла работать в режиме «прыгающей» частоты, чтобы избежать глушения и посылать кодированные сообщения с очень большой скоростью. То есть станция способна поддерживать устойчивую засекреченную радиосвязь при высоком уровне преднамеренных и естественных помех. Ее не засечешь никаким сканером. Все это не лишние предосторожности. Были основания считать, что радиоэлектронную борьбу в зоне мятежа обеспечивают турки и американцы, которые развернули на границе Грузии и Ичкерии самые современные средства радиоэлектронного контроля.

– Готово, бляха-муха, – кивнул Фауст, выключая устройство и захлопывая бронированную книжку, от которой отскакивают пули.

Все, пакет информации осел в недрах разведуправления, вскоре его рассортируют аналитики, а затем на основе полученных сведений будут скорректированы планы по нейтрализации мятежа. Но Нику казалось, что это мартышкин труд. Если бы Москва решилась на активные действия по наведению конституционного порядка, войска уже давно перешли бы границу.

– Все это хорошо, – кивнул Ник. – Но мало... Боевая задача – сбор информации о лидерах.

– Язык, – плотоядно улыбнулся Акула.

– Будем в Светлом брать языка, хлопцы.

– Будем, – Бизон, главная физическая сила разведывательно-диверсионной группы, нехорошо прищурился...

Близился вечер...

Глава 9

Атака была глупая.

Сначала около огороженной бетонной стеной и ощерившейся огневыми точками территории мобильного отряда МВД России собралась обкуренная гашишем, одичавшая толпа. Туземцы что-то угрожающе истошно орали, стараясь перекрычать друг друга. Сыпали вайнахскими проклятиями и русским матом. Плевались, потрясая оружием. А потом неожиданно поперли вперед. Прочертили воздух дымные нити выстрелов одноразовых гранатометов «Муха» – любимого оружия горцев. Залаяли, захлебываясь, автоматы. Затараторил с огневой точки пулемет...

Моджахеды перли напролом, без всякого представления о тактике. И пулемет прикрывавшего ворота милицейского БТРа за несколько секунд основательно проредил цепочку. Крупнокалиберные пули, попадая в тела, буквально рвали их на кровавые ошметки. Противника щедро добавили с других огневых точек. Атака захлебнулась так же, как и началась, – бестолково и истерично. Горцы позорно бежали.

На поле перед территорией моботряда осталось немало трупов. Моджахеды попытались выскакать из укрытий и эвакуировать тела, но одного из удалцов снял снайпер. Через некоторое время боевики избрали другую тактику – стали забрасывать крючья на веревках и тянуть тела. Ведь мусульманин должен быть погребен по обычаям предков до заката солнца. Но эти ухищрения тоже не принесли больших успехов.

– Уф-ф, дали перца черножопым! – сплевывая кровь – по зубам дало осколком кирпича, – удовлетворенно произнес сухощавый жилистый бородатый майор – командир силовой группы отряда, состоящей из сотни бойцов СОБРа и ОМОНа.

– Это стихийная вылазка, – как-то обреченно произнес командир отряда, опершись о броню БТРа и переводя дух. Его бил нервный колотун. – Скоро подгонят артиллерию. Или бронетехнику. И нам конец.

Действительно, боевики наращивали силу. Это было заметно невооруженным глазом.

– И что вы предлагаете, товарищ командир? – хмуро осведомился силовик.

– Надо выбиратья отсюда.

– Куда? Мы почти в центре республики. До границы не дойдем. Нас по пути перещелкают... Если только рассредоточиться – и спасайся каждый как может. Но это...

– К мотострелкам. О полк душманские рыла точно обломают зубы. Там можно держаться хоть десять лет...

– Двадцать километров, – с сомнением произнес стоящий рядом с БТРом начальник криминалки. Он с тоской глядел куда-то в небо, теребя ремень висящего на плече автомата.

– Нас здесь передавят рано или поздно, – повторил командир отряда...

Через час абреки прислали худосочного, будто давно не кормленного, бородатого парламентария – тот огласил просьбу позволить забрать тела убитых с поля боя. Начальник криминалки предложил начать с ними взаимовыгодный торг. На переговоры пришли двое аксакалов в папах и костюмах с орденскими планками (награды все советские), эти для авторитета, и пара абреков с цепкими злыми глазами хищников – заводилы, которые явно не будут курить гашиш и ломиться напролом, а постоят в стороне, командуя своими безумными собратьями. Им навстречу, к воротам отряда, вышел командир со своим замом по криминалке. И началось.

Торговались ожесточенно и азартно, как на арабском базаре. Милиционерам удалось выторговать в обмен на тела бандитов двух живых солдат внутренних войск и начальника уголовного розыска местного райотдела, который был на стороне России во всех войнах. Впрочем, отдали бандиты заложников без особого сожаления – они были непоколебимо уверены, что скоро все русские полягут здесь.

Потом командир отряда еще раз, без особой надежды, запросил по радиации Большую Землю. Как и ожидал – без толку. Общение с руководством группировки на Северном Кавказе ничего не давало. Командир отряда устал слышать одно и то же: «Держитесь. Помощь будет»... Когда – неизвестно. И какая помощь? Еще несколько дней – и им поможет только похоронная команда.

Пока еще в мобильном отряде потери минимальные – несколько легкораненых. Но это пока. Хорошо, что у моджахедов еще нет танков и нормальной артиллерии. Но вчера уже прилетела первая ласточка – к гаражам подкатила белая «Нива», бандиты откинули заднюю дверцу, поднатужившись, вытащили на свет божий восьмидесятидвухмиллиметровый дульнозарядный миномет «М-37», весящий больше полусотни кило. Эта зараза, сконструированная еще до Великой Отечественной, бьет от ста метров до трех километров.

Старая тактика еще со времен Первой Ичкерской войны. Тогда мобильные бандитские группы колесили на «уазиках», джипах и «Нивах», в которых перевозили армейские ротные и даже батальонные минометы или просто водопроводные трубы, переделанные под минометы. Такие передвижные минометные расчеты обычно наносили не очень существенный, но все же ощутимый ущерб. И бороться с ними было трудно. Потом федералы с вертолетов начали подряд долбить неуправляемыми реактивными снарядами (НУРСами) все «Нивы» и джипы – и минометчики быстро повывелись.

И вот опять: повторение – мать учения. Били по отряду навесом, из укрытия. Мины рвались на территории, осколками посеколо заместителя командира по тылу и еще пару человек. Пришлось выдвигать бойцов на позиции за границей отряда. Одного собровца душманы ранили, но снайпер умудрился снять минометчика и сопровождающего, после чего обстрел прекратился...

Однако завтра появится еще одна «Нива». Или что посолиднее. Повстанцы накапливают силы даже не с каждым днем, а с каждым часом. И наглеют... Все, пришла пора действий. Медлить больше нельзя...

После утомительной процедуры обмена тел на пленных воюющие стороны вернулись на исходные позиции. Командир собрал своих заместителей и руководителей подразделений в штабе, в своем просторном, обшитом деревянными панелями кабинете с кондиционером и холодильником. Семеро офицеров в камуфляжной форме деловито расселись за длинным столом на скрипящих казенных стульях.

На улице быстро темнело. Там было непривычно тихо. После неудавшейся атаки и переговоров никто не стрелял. Но это затишье не продлится долго.

– Ну что, – командир отряда, откинувшись на спинке солидного крутящегося кресла, обитого коричневой кожей, обвел усталыми глазами присутствующих. – Давайте обсуждать положение. Незавидное, скажу прямо... Цена вопроса – человеческие жизни. После принятия решения назад не повернуть. Хочу услышать каждого...

Мнения разделились. Но большинство собравшихся были профессионалами и отлично понимали – настала пора отчаливать из этих негостеприимных мест.

Командир завершил не на шутку разгоревшуюся дискуссию, подняв руку.

– Все понял, – он помолчал, и лицо его вмиг осунулось. – Решение принято. Уходим.

Слова эти дались ему нелегко. Как соблазнительно спрятать голову в песок наподобие африканского страуса – мол, пусть идет все, как идет, глядишь, все и образуется, само собой. Труднее вбить гвоздь одним словом – «решено». Этим словом ты спускаешь пружину судьбы и разделяешь людей на живых и мертвых. И среди кого окажешься ты сам – известно лишь одному Богу войны.

– Завтра утром снимемся с лагеря, – уже спокойнее произнес командир.

Решение принято. Командир разложил на просторном штабном столе карты местности.

– Как будем уходить, товарищи офицеры?

– Здесь мы не пройдем, – главный силовик прочертил мизинцем так и напрашивающийся маршрут. Он лучше всех ориентировался в обстановке, потому что немало времени потратил на рекогносцировку местности еще полгода назад, когда прибыл в командировку. И с тех пор излазил все окрестности. – Здесь они нас ждут. Наверняка выставили минно-взрывные заграждения и заслоны... Нужно двигать напролом, в сторону юго-восточной трассы. Поэтому пройдем здесь...

– Увязнем в бою при преодолении вот этого участка, – сказал начальник криминалки, прочертив ручкой линию.

– Эх, горе не беда, – махнул рукой командир отряда. – За нами правда, мужики. Не увязнем...

К середине ночи были проработаны все детали, намечен маршрут, определен порядок выдвижения, согласованных действий, связи, огневого противодействия противнику. Моботряд уже пребывал в состоянии первой готовности. Поэтому собрались максимально тихо, без суеты, стараясь не насторожить наблюдателей, которые днем и ночью плятятся в сторону кафилов самого противного, ментовского окраса. За убийство мента у боевиков награда даже больше, чем за скальп контрразведчика.

– Двинули. С Богом, – отдал приказ командир, расположившийся во втором бронетранспортере. Уже занимался рассвет. Впереди – новый день, который суждено увидеть не всем. И эта мысль была холодна как лед и жила не в голове, а где-то в солнечном сплетении.

И машины двинули вперед.

Вырвались не там, где ждали – не через ворота. БТР с размаху взломал бетонный забор в заранее подобранном месте. Да так удачно, что образовался своеобразный мостик, по которому машины без проблем могли вылететь с базы, не потеряв колес. С ходу БТР обработал огнем шквалом доступные позиции боевиков. Выставили дымовую завесу.

За считанные минуты колонна из автомашин, которую спереди и сзади замыкали БТРы, вырвалась на оперативный простор, огрызаясь очередями из автоматов и тяжелых пулеметов.

В «Уралах», фургонах, бронированных «уазиках» людей набилось как сельдей в бочке. Весь личный состав мобильного отряда. Цыганский табор. Кочевники... Это было бегство.

Когда колонна преодолела пустырь и вылетела за пределы населенного пункта, не дав мятежникам, которые продирали глаза и расцехляли оружие, опомниться, сзади послышались взрывы. Это взлетел на воздух боекомплект, который не удалось прихватить, – сработали взрывные устройства с часовыми механизмами, с любовью поставленные саперами. Врагу не достанется ни один трофей.

Колонна двинула через поросшее травой заброшенное поле, рискуя застрять или провалиться в быстрый журчащий ручей...

Неожиданно откуда-то со стороны зарослей стали лупить бандиты. В предрассветной мгле их было видно только по вспышкам выстрелов из зеленки. Из гранатомета моджахеды врезали по передовому бронетранспортеру. Граната прошла, вскользь чиркнув по броне, без особого ущерба. В ответ КПВТ причесал, как мог, зеленку. Повалились молодые деревья – крупнокалиберный пулемет запросто пробивал стволы, дырявя тех, кто засел за ними, в тщетной надежде спрятаться от смертоносного свинца.

Бойцы отряда щедро, не жалея боеприпасов, обрабатывали огнем все, что шевелилось. Машины выскочили на проселочную дорогу. БТР попутно снес чей-то домик, подвернувшийся некстати, – в таких обычно отдыхают ночью крестьяне и прячутся беглые преступники. Судя по всему, внутри никого не было. Подавили заслон, который моджахеды попытались выставить в километре впереди...

Хорошо, что у мятежников не оказалось тяжелой бронетехники и вертолетов. Да и с обменом информацией туговато, а о едином боевом управлении пока им не приходилось и мечтать. Поэтому преследование и перехват они организовать не могли.

Колонна вырулила через десять километров на недавно отремонтированную, гладкую, как европейский автобан, юго-восточную трассу. Смела блокпост, который давно взяли под контроль бандиты...

По пути «Газель», шедшую в начале колонны, прошило шальной очередью. Взрывом повредило «Урал». Но израненные машины, с трудом, натужно ревя двигателями, ползли вперед, стараясь не отставать. Сейчас темп решал все...

Через некоторое время стало ясно – вырвались.

– Дорога открыта хоть до Дагестана, – крикнул начальник криминалки, стараясь не удариться головой о выступающие детали внутри БТРа.

– И не мечтай! – отмахнулся командир отряда. – До полка бы добраться!

Предстояла заключительная фаза. Пробриться через заслоны к мотострелковому полку, который мятежники прикрывали плотнее, чем мобильный отряд.

На подходе по закрытому каналу командир мототряда вышел на связь с мотострелковым полком. И прокричал, перекикая рева дизеля:

– Молот. Стрела на связи. Прием.

– Слышу, Стрела.

– Принимайте гостей.

В двух словах командир мобильного отряда ввел в курс дела. Теперь можно было нарушать радиомолчание, не опасаясь, что мятежники перехватят радиопереговоры, – враги все равно уже ничего не успеют сделать.

– Духов в окрестностях как грязи, – предупредили пехотинцы. – Осторожнее. На подходе поддержим вас огнем!!!

Возле мотострелкового полка милиционеры наткнулись на плотные душманские заслоны. Была возможность угодить под перекрестный огонь, нарваться на гранатометы. Тут вступили в разборку мотострелки. Они основательно прочесали окрестности артиллерией, не жалея снарядов, – ментов надо было выручать, свои ребята, славяне, за это дело и шкурой рискнуть не жаль. В результате колонна с ходу прорвалась через боевые порядки врага. Но уже вдогонку выстрел из гранатомета врезал в бронированный «Урал». Пришлось БТРу под шквальным огнем, выпустив дымовую завесу, тормозить и брать на броню уцелевших бойцов.

Прикрывая эвакуацию пострадавших, мотострелки выдвинули боевые машины пехоты на помощь братьям-славянам. Одной угодил в бок выстрел из «РПГ-7». Чудом обошлось без больших жертв.

Колонна ворвалась в расположение сто пятьдесят шестого мотострелкового полка.

Самоубийственный отчаянный бросок был завершен.

– Подсчитали потери? – через час спрашивал командир мотострелкового полка, который сидел с милицейским полковником в своем кабинете, грея руки о стакан с чаем. У него в последние дни мерзли руки, несмотря на теплую погоду.

– Трое убитых, – угрюмо произнес командир мобильного отряда МВД России. – Восемь раненых.

– Такой бросок... Три двухсотых и восемь трехсотых. Легко отделались.

– Легко? – усмехнулся милицейский полковник. – Может быть. Только женам и матерям погибших ребят об этом не скажешь.

– А что ты хочешь, полковник? Война пошла нешуточная. Это тебе не школьная игра в «Зарницу», где все понарошку...

– Что тебе группировка говорит?

– А их поймешь? Они там какие-то больные на всю голову, наши командиры. То держись до последнего патрона и не сходи с места. То действуй по обстановке... Они в ступоре. А здесь война...

То, что война нешуточная, мотострелки испытывали на своей шкуре ежедневно. Хотя чувствовали они себя относительно комфортно. Солидный боезапас и приличные запасы продовольствия, артезианская скважина с чистой водой позволяли держаться до бесконечности. Войсковая часть окружена надежными фортификационными сооружениями, подходы простреливаются, с любовью подготовлены огневые точки. В общем, душманам здесь ловить нечего. Однако противник постоянно пробовал их на прочность. Первоначально мятежники попытались применить испытанную тактику, как и на моботряде, – влупили по расположению из минометов, установленных на машинах, и пошли в атаку. Но живо огребли в ответ огневой шквал, откатились и принялись оборудовать позиции, готовясь к затяжным боевым действиям и стремясь не выпустить пехотинцев за пределы расположения. Но военные пока и не стремились на волю. Комполка не собирался гробить своих людей. Кроме того, он надеялся, что все-таки будет отдан приказ о силовом решении вопроса, и тогда его часть тут же станет острым клинком, упершимся в брюхо мятежа.

В Москве в это время царила такая растерянность, какой давно не было. События нарастали как снежный ком, и рецептов борьбы с напастью никто не предлагал. Заморский дирижер, разыгрывавший всю эту кантату, самозабвенно махал палочкой, и вступали в действие все новые инструменты – то скрипки, а то и басы. Все было разыграно по нотам. Катастрофа только начиналась...

В мусульманских республиках прошли многолюдные стихийные митинги. Их ядром были молодежь, студенчество, выпускники религиозных школ, безденежная категория населения, у которой переизбыток жизненной энергии усугубляется недостатком денег, всегда недовольная существующим порядком вещей и падкая на революционные настроения. Пока еще демонстрации были относительно мирными. «Руки прочь от Ичкерии!», «Свободу малым народам!».

Хуже всего обстояли дела в Дагестане – котле межнациональных противоречий. Сто пятьдесят национальностей в условиях колоссальной безработицы и острой нехватки пригодной для жизни и обработки земли – идеальная среда для массовых беспорядков. Которые не заставили себя долго ждать. В Махачкале прошло несколько агрессивных митингов. На них требовали, как всегда, работы, заботы о нацменьшинствах, отставки Правительства. Кончилось все хорошей потасовкой. Обошлось без жертв. Но больницы были забиты пострадавшими, а военный госпиталь пополнился бойцами подмосковной дивизии особого назначения, половина которой переброшена на Кавказ для наведения порядка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.